

84(2=411.2)6

К

С-69

Никон Сочихин

Ностальгия

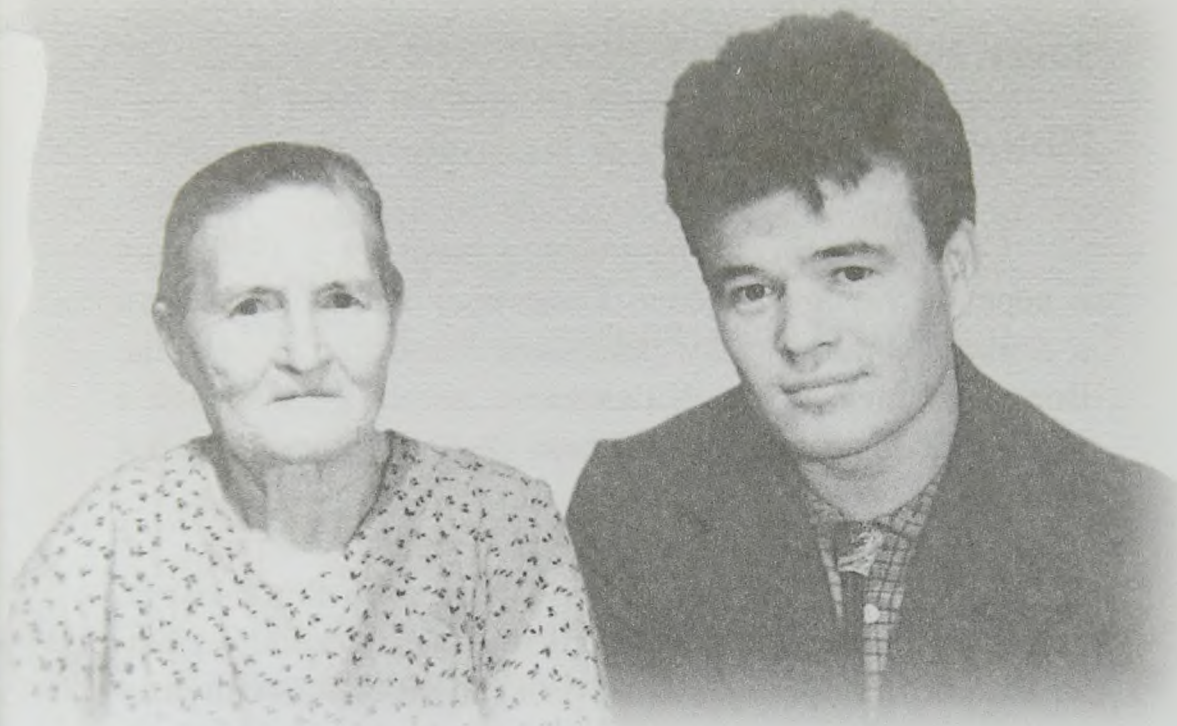

12+

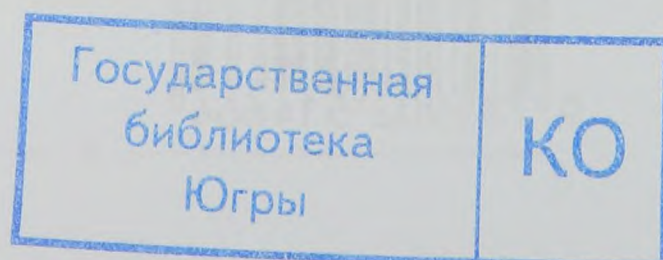
Никон СОЧИХИН

С мамой Софьей Августовной

НОСТАЛЬГИЯ

- 0174 217 -

ББК 84(2Р)6-5

Никон Сочихин

С 69. Ностальгия. Сборник стихов./ Н. В. Сочихин.
Томск, 2014. 360 с.

ISBN 978-5-902514-66-4

Сочихин Никон Васильевич родился в 1939 году в деревне Коларово (село Спасское) Томской области в семье врача восьмым ребенком. Рано лишился отца. Воспитывался в Усть-Чижапском детском доме, что в 1940–1950 гг. находился на реке Васюгане в устье реки Чижапки.

Служил в армии – в Приморье и на Камчатке.

Закончил Тюменский индустриальный институт. Горный инженер по бурению нефтяных и газовых скважин. Работал бурильщиком разведочного и эксплуатационного бурения, а также капитального ремонта скважин на месторождениях Среднего Приобья.

Автор нескольких поэтических книг, изданных в Москве и Томске.

В 1996 году был принят в Союз писателей России.

ISBN 978-5-902514-66-4

9 785902 514664

ББК 84(2Р)6-5

© Н. В.Сочихин, 2014

Несколько слов от автора

Дорогой читатель!

Я тебя называю дорогим, ибо ты действительно дорогой, потому что – редкий. При социализме (безусловно, не вполне совершенном) в книжных магазинах был выбор невелик, зато покупателей – буквально толпы.

В наши дни, при так называемой демократии, в книжных магазинах полки просто ломаются от всевозможных книг, а покупателей – считанные единицы.

Либералы и демократы, они же – младореформаторы, настойчиво нас убеждали и убеждают посейчас, что мы, жители Советской страны, делали вид, что работаем, а государство делало вид, что платит нам заработную плату.

Для этих «завлабов» сие утверждение их – совершенная правда. Но разве так жили наши бабушки и дедушки, наши матери и отцы, да и мы сами?

Тогда не конкуренция организовывала работу, а социалистическое соревнование

с принципами взаимопомощи и взаимовыручки в большом и малом.

Принцип конкуренции простой – добивай слабого и отнимай у него все, что можно и не можно отнять. Это мы наблюдаем повсеместно: растаскиваются заводы, поля брошены, люди снимаются с насиженных мест, обжитых их предками, бросают всё и уезжают.

Куда мы движемся? Не буду говорить, что готовимся стать колонией Запада и Востока, но сырьевым придатком их – это уж точно! – мы стали. Чем и гордимся неустанно.

Стихи, более осознанно и осмысленно, стали слагаться у меня с 1961 года, когда, отслужив в рядах Советской Армии, я поступил на геологоразведочный факультет Томского политехнического института. Тогда у меня словно крылья выросли за плечами, и стихи лились неудержимо. Да и само это время было поэтическое. В стране ощущался небывалый подъем: в труде, в науке, в литературе, в поэзии.

Хотелось совершать что-то необыкновенное, героическое. Ударные комсомоль-

ские стройки, студенческие отряды, целина, БАМ, КАТЭК, КамАЗ, полеты в космос – да разве можно все перечесть!

И я не мог не откликаться на всё это. Большинство стихотворений, представленных в этой книжке, из той поры.

Я никогда не заводил архивов: в общезжитиях не очень-то их заведёшь. Считал, что хорошие стихи не забудутся, а плохие, если и забудутся, то и нежалко. Нет, забываются как те, так и другие, хорошие, по моему, даже «успешнее».

В конце книжки помещены две небольшие пьески в стихах: «Практиканты» и «Бюрократическая трагедия», написанные еще в студенческие годы.

В завершение – несколько поэтических улыбок, очень и очень отдалённо напоминающих пародию. Но это не пародии, ни в коем разе. Прочитаете – улыбнётесь. Уверен! Все они были написаны при жизни авторов стихов.

Когда не стало Леонида Мартынова – старейшего и известнейшего поэта того времени, я всяческие позывы к подобному занятию оставил навсегда и окончательно.

Река времени движется в одном направлении, и прошедшее в его прежнем виде не повторится, как бы того ни хотелось. Однако уроки, преподанные нам жизнью, полезно усваивать, чтобы не топтаться на граблях теперь уже нашей русской демократии, будь она, простите, неладна.

Никон Сочихин

P.S.

К социализму нам всё равно придётся придти – и придём, но... с пустыми карманами!

Когда-то давно-предавно
Я видел, как в старом кино,
Стоит на закате деревня
Под колокольнею древней.

Там катится речка.
Там топится печка.
И скоблено наше крылечко.

И люди стоят у ворот.
И улицей стадо идёт.
И дети играют беспечно.
И, кажется, это навечно.

Время – крылатая птица –
Не может остановиться.
И жаль, что нельзя оглянуться,
И вновь о порожек запнуться.

Но что бы ни стало со мной
На этой дороге земной,
Есть где-то в России деревня
С её колокольнею древней.

Там катится речка.
Там топится печка.
И скоблено чьё-то крылечко.

Солнце
Золотое

Солнце золотое,
Высоко ты слишком,
Ты возьми с собою
В дальний путь мальчишку.

Я хочу до дому,
Я хочу до мамы.
Не хочу детдомовской
Даже каши манной.

Или, в самом деле,
Ты уже забыло,
Как с тобой сидели
Над речным обрывом.

Говорило: милый,
Как большому другу,
Не пройду я мимо,
Не подавши руку.

Попросило только
Подождать немножко,
Разузнать чтоб толком
Верную дорожку.

Как тогда я сразу
С твоего участия
Прямо на два глаза
Поглупел от счастья.

Ты же в той деревне
Каждый день бываешь.
По лугам, деревьям
К ней дорогу знаешь.

Может ты, дружище,
Обещало многим?
Может, ты боишься,
Что помру в дороге?

Не гляди, что малый.
Не гляди, что босый.
Ты возьми до мамы,
Я дойду, не бойся.

Деревенская пристань

Деревенская тихая пристань —
Отбегавшая своё баржа.
Когда-то бока смолянистые
Съедает древесная ржа.

Её, как кита израненного,
Дожить своей жизни срок
Привёл сюда в осень раннюю
Игрушечный катерок.

Дожди её скорбно обмыли.
В саван одел сугроб.
Так вот и положили
Ещё не умершую в гроб.

Всю зиму она простояла,
Как долгую тяжкую ночь.
Всю зиму она простонала,
И некому было помочь.

А время, как мячик, крутится.
Уж маю — своя чередка.
И вот голубая улица
Очистилась ото льда.

Однажды, случайно и странно,
Я подсмотрел тайком,
Как Чвор ей зализывал раны
Шершавым своим языком.

По-пёсьи, должно быть, желая
Подругу к жизни вернуть,
Чтоб вновь с нею, весело лая,
Бок о бок двинуться в путь.

Но крепко связал её берег
По некогда быстрым ногам —
Уж больше им вместе не бегать
По голубым холмам.

А Чвор, видно, пёс непонятливый,
Такое понять нелегко,
Всё лижет кровавые пятна
Шершавым своим языком.

Прощание с детским домом

В последний раз вкушаю кашку манну,
Прощай, детдом, не в шутку, а всерьёз.
Я еду в Томск. И в комнатухе мама,
Узнав меня, не удержала слёз.

А я глядел, и сердце трепетало,
Кто это – мама? Нет, она не та,
Совсем другая в сны мои являлась,
В ней было всё – святая красота.

Твоё лицо – глубокие морщины.
Седые волосы – засохшая трава...
Видать, мы все такие вот мужчины,
Мечтаем о красе, а сами – чёрта с два.

Ах, мамочка, прости мне за портрет,
Нарисовал сынок, совсем уж некрасиво.
Ну где ж волос неповторимый цвет,
Румянец щек? Их жизнь скосила.

Как мало счастья знала ты,
Заставил труд к земле склониться,
Но сколько нежной теплоты
В твоей душе ещё хранится.

Пусть в детстве я не знал тепла,
Но обделён им не был всё же,
И ты мне, мама, как была
И будешь с каждым днём дороже.

Усть-Чижапка

Это годы всё, годы,
И, видать, неспроста
Память сердце уводит
В дорогие места.

Там, где Чвор и Чижапка,
Васюган и ручей,
Словно в шубках и шапках
Вековых кедрочей.

Где летали стрекозы
И гудели шмели,
И счастливые слёзы
На реснички текли.

Там, у детского дома,
Были мы заодно...
Всё досталось для слома,
Всем теперь – всё равно.

И теперь в Усть-Чижапке
Лишь погост различим.
Снимем горестно шапки,
Постоим. Помолчим.

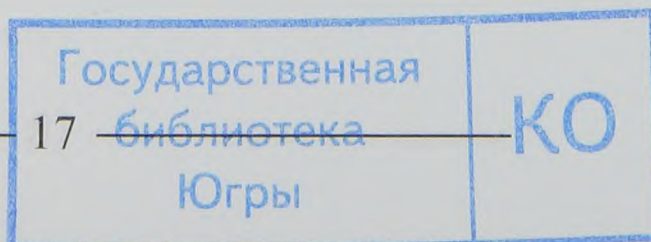
И шмели, и стрекозы
Редко встретятся тут.
И печальные слёзы
По морщинкам текут.

Полая вода в Усть-Чижапке

Волны Васюгана всё обцапали,
Нет возможности их унять.
И стоят талины, как цапли,
Что-то важное силясь понять.

Ещё комары не зудели,
Не жалили овода,
Пойдём, где больничные ели,
Походим туда-сюда.

- 0174217 -

Среди васюганских болот
Давно моё сердце живёт.

И местность совсем неказистая,
Но что-то в ней светлое, чистое.

Помыслю о ней – и уже
Как-то спокойно душе.

Страна Васюганье

В далёкой таёжной стране Васюганье
Живут, как живут и везде, мальчуганы.

У тихой речушки о море им грезится,
Даже катер почтовый им кажется крейсером.

Пролетит самолёт, и все они лётчики,
Самые смелые планетопроездчики.

Там летом – рыбалка, зимою – салазки,
И были те были мудрее, чем сказки.

Но были те были когда-то давно,
Им в сумерках пыли лежать суждено.

Там ныне идут по тайге буровые,
И следом встают города молодые.

И ложат* асфальт, и возводят дворцы,
О чем даже мыслить не смели отцы.

И в этом далеком таёжном краю,
Может быть, даже как в детском раю

Светлая-светлая, нежная-нежная
Жизнь протекала моя безмятежная.

* то же самое, что и кладут

За поскотину мне хочется:
Там дремучая тайга,
Где с опаской часто топчется
Лишь охотника нога.

На поляночке дремучей
Смастерю себе шалаш,
И прощай ты, мир докучий,
С меня хватит, всё, шабаш!

Как и прежде будут квакать
Все лягушки среди болот,
Только мамка станет плакать,
Ждать сыночка у ворот.

Прощебечет песню птаха,
Сядет в кустик почивать.
Пусть умру я здесь от страха,
Всё равно уж умирать!

Хвастунишка, хвастунишка,
Своё слово не сдержал.
Или мамку жалко слишком,
От опушки убежал.

Подружусь тогда с мальчишками
Я из нашего села,
С Миколаями и Тишками –
Жизнь будет весела.

Приметы весны

На полях и на опушке
Ещё всюду снег.
Расцвели мои веснушки —
Дело, знать, к весне.

И пускай меня ребята,
Даже те, с кем я дружу,
Называют конопатым,
Я на это не сержусь.

А когда вам очень нужно,
Нужно срочно вам узнать:
Скоро ль нет в окно завьюженное
Постучит сама весна?

Вы по мне сверяйтесь, люди,
Я вас в жизнь не обману,
Ведь лицо моё, как флюгер,
Держит точно на весну.

Рыбак

Когда прихожу я с рыбалки домой,
Сестрёнки смеются всегда надо мной.
А мама расспросит: что? да и как?
Вздыхнёт, пожалея: «Эх, горе-рыбак.
Такая погода, ведь дождь на реке,
А ты понёсся туда налегке.
Скидай одеянье бродяжье своё».
И достаёт мне сухое бельё.
«Садись, я оставила каши из щей,
Проголодался, поди, на рыбалке своей».
Под взгляды сестрёнок за стол я сажусь
И ложкой над чашкой усердно тружусь.
А им вот подай подтрунить надо мной:
– Порадуй нас рыбкой хотя бы одной.
Я плохой рыболов, и секретов здесь нет,
Но сердце всегда мне подскажет ответ:
– Сегодня вся рыба в речке осталась,
Там много народа, и мне не досталось.
А мама погладит меня по щеке.
Ах, сколько тепла в её нежной руке!

Ночное

За селом на лугах
Много молочая.
Лознячина в руках –
Сабля что Чапая.

Наша конница ребят
В жарких битвах смелая,
Мы гоняем телят
Чуть не утро целое.

Разогнав по кустам
Армии телячьи,
Мы бежим к берегам,
Радуюсь удаче.

Мы сидеть не хотим,
Нам давай свободу!
Вверх тормашками летим
Голышами в воду.

Пока солнце высоко,
Царство нам – речное.
Чуть дохнет вечерком,
Мы уже – в ночное.

Из ворот, из окон
Мамки да сестрѣнки.
Эх, несись ты, мой конь,
С ветром вперегонки.

И до самой до зари,
Пока солнце встанет,
Всѣ горит костер, горит
В нашем тихом стане...

Утром с первыми лучами,
С шумом, гиком, весело
Летим. Рубашки парусами,
Вдали – родимое село.

Колодец

Давно попрощался я с детством,
Но в сердце живет моем
Домик и по соседству –
Колодезек с журавлем.

Полдень. По пламени мака,
Как огненною грядой,
Идёт не спеша моя мама,
Мама идёт за водой.

Погладила ласково «журку»,
Что-то сказала ему,
И он безбоязненно, юрко
Нагнулся в земную тьму.

И чудо! Из ямины мглистой,
Как добрый волшебник, достал
Для мамы прозрачный и чистый,
Огромный – с ведро – кристалл.

С тех пор я из стольких колодцев
Пил воду, что счёт им забыл...
Не знаю, встретить придется
Как та. Из того. У избы?

С добрым утром!

Здравствуйте, берёзки!
Здравствуйте, осинки!
Облаков бороздки
В небе светло-синем!

С добрым утром, клёны!
С добрым утром, яшень,
Ты такой зелёный,
Молод и прекрасен!

Я иду рыбачить.
Удилище, лески.
Вороны судачат
В мелком перелеске.

Заплела рябина
В свои кудри яхонт.
Я вольюсь в долину,
Как ручей, с размаху.

Заблужусь я в поле.
Затеряюсь в чаще.
Что ещё есть более
И родней, и слаще?

Я смеюсь чему-то,
А в ответ мне звонцы...
Ах, какое утро!
Ах, какое солнце!

Над мачтой алый вымпел взвился.
Так что же, в путь?
Пора! Пора!
А чьё-то детство смотрит с пирса
На уплывающий корабль.

Последний звонок

А на нашей улице тополя
Распустили почки, эй-ля!

Ветерок подует и замрёт,
Смоляные запахи принесёт.

Беленькие фартучки у девчат,
Словно сорочата, слова строчат.

Над землёй ни облачка. Воздух чист.
И на ветке скворушка так речист!

Переливы чудные выводит так, –
Вволю не наслушаться его никак.

Все звонки закончены. В парк бежим.
Порыв весенний, радостный
неудержим.

Выпускницам 1960-х годов

Скоро настанет, скоро
Новая жизнь у вас,
И белые фартучки в школу
В последний наденете раз.

Будет звонок прощальный,
Будет прощальный вальс.
И мамы вдруг станут печальными,
Обрадованные за вас.

Школьный белый вальс

В гулкие своды
Взвился звонок.
Вот и подводим
Первый итог.

Классные стены,
Где окна и мел.
«Коля плюс Лена
Равняется эЛ.»

Вечер выпускной.
Школьный белый вальс.
Будто не со мной.
Будто не сейчас.

Средняя парта
В первом ряду
Я к тебе завтра
Уже не приду.

Только лишь в сердце
Будут всегда
Нашего детства
Эти года.

Вечер выпускной.
Школьный белый вальс.
Встанут предо мной
Ясно, как сейчас.

Всё же я верю:
В радостный час
Школьные двери
Откроют для нас

Классные стены,
Где окна и мел...
Память бесценна
И вечна как «ЭЛ».

Вечер выпускной
Школьный белый вальс.
Снова вы со мной
Будто в первый раз.

Не играй, ветерок, не играй
С поседевшими за ночь дубравами.
Золотую листву не сгребай
Вперемешку с засохшими травами.

Не гони ты озёрную зыбь
На мостки и лужайки с беседками.
Слышишь: будто рыдает выпь
За ольхой и талинами редкими.

Может это, вступая в права,
Бабье лето часы свои сверило
И наряды, один или два,
Только-только легонько примерило.

Пусть ничьих не тревожась угроз,
Погоуляет знакомыми тропами,
Прежде чем их остудит мороз
И метели засыпят сугробами.

Сестра и мать удивлены,
И дядя Вась, сосед степенный,
Мне говорят, во мне видны,
Видны большие перемены.

Ну что ж, не стану отвергать,
Они правы. Но, как мужчина,
Я никому не дам понять,
Кто этому всему причина.

Стоит ни лето, ни зима,
Ни то, ни это время года.
А для меня, как будто – май.
Как будто ясная погода.

Ну что мне темь, и ветра шум,
И дождь, и снег наполовину.
И я на улицу спешу,
С пути всё это как бы сдвинув.

И я спешу. И я лечу.
Лечу легко. Легко, как птица
Летит по первому лучу
Светилу жизни поклониться.

Моё живёт не в облаках.
Оно в пальто и рукавичках.
И у него из-под платка
Торчат две тоненьких косички.

Оно навстречу мне идёт.
Идёт, светясь своей улыбкой.
И всё во мне поёт, поёт,
Как будто я – не я, а скрипка.

И всё, на что ни посмотрю,
Мне видится волшебным светом...
Ах, что я. Что я говорю!
Я ж умолчать хотел об этом.

Первоцелинникам

На виду у палаток-избёнок,
Любопытных друзей – покажи!
Мать несёт и не просто ребёнка,
А вспеленатую жизнь.

Отец, до чего ж он забавный,
Не знает и рук куда деть:
«Мне-то когда, как главному,
Хоть бы глазком поглядеть».

Девчонка, чей голос звонок,
Подошла: «Извините меня,
Вам букет от степи с поклоном,
Её первые зеленыя».

Домуправ: «Вам ключи от палатки».
Степь умолкла. Слушает степь.
«Отец, аль забыл, для порядка,
Кажется, приглашают гостей».

Всё для встречи уже приготовлено,
Не богато, но хорошо.
И комсорг, как поэт взволнованный:
«Вглубину корень жизни пошёл!

Хорошо! Хорошо для начала!»
И светились улыбки гостей...
Что-то пела, малютку качая,
Благодарная людям степь.

Ты уехала в Москву
Не во сне, а наяву.

Москва! Москва! Ну что мне до Москвы,
Красивостей там более, чем надо,
Но мне приятней тихий шум листвы,
И пенью птиц по-детски сердце радо.

Ты помнишь сад? О, Лагерный наш сад,
И рядом Томь с водою бирюзовой,
И за рекой, куда ни кинешь взгляд —
Поля, озёра, бор сосновый.

А нашу улицу покрыли в лак асфальта,
Кинотеатр выстроили близ,
И под твоим окном, ты помнишь, Алька,
Садили тополя мы — разрослись.

Куда ты там, в модистки иль артистки?..
В любом часу приду я на вокзал.
Так приезжайте же, далёкие и близкие,
Мне так необходимые глаза.

Ласточки

Вы скажете: «Ересь!» Вы скажете: «Вздор!
Возможно, редкость какая случилась».
Над входом в казарму гнездо —
Семейка ласточек там поселилась.

Издrevле ласточки селятся
Жилища людского близ.
Разве так уж жалеется
Отдать им чердак иль карниз.

И люди добреют душою,
И смотрят на жизнь веселей,
Когда под заветной стрехою
Увидят заветных друзей.

И не один я, пожалуй,
В державных заботах бойца
Припомнил вдруг мать моложавой
На солнечной кромке крыльца.

Берёз в палисаднике лепет
И старый родительский дом.
А всё-то... Лишь ласточки в небе
Да это над входом гнездо.

Стихи из 1962 года

Генри Уинстону, Секретарю национального комитета Коммунистической партии США

Розе Шафигулиной, студентке Томского педагогического института

Мир огромен, как воды без берега,
Когда эта масса стенает, кипит,
Далеко-далеко распласталась Америка
И дымом сигарным клубит.

Там за морями, там за горами,
Конечно, диковинок много для нас.
Она оцетинилась ввысь этажами,
Как будто рассерженный дикобраз.

А слыла когда-то свободной и вольной,
Недаром, недаром туда,
Надеясь в удачу и в лучшую долю,
Армии плыли труда.

Но жизнь настоящей Америки
Нам понятна, ещё бы,

Одним – дворцы, роскошные скверики,
Другим – трущобы.

.....
Всё ж правда пред силой не клонится,
И сквозь человеческий стон
Мы слышим: Америка борется,
Пример тому – Генри Уинстон.

Да вот беда. Былые «грозы»
Ему сулят навеки тьму...
В дальней Сибири девушка Роза
Задумалась, тихо склонившись к письму.

Письмо Розы

Вы в битвах зренье потеряли,
Но предстоят еще бои,
И чтоб ясней вам видеть дали,
Я вам даю глаза мои.

Поверьте мне, ведь я серьёзно,
А как иначе в мире жить,
Коль сердце хочет битвы грозной,
Хотя песчинкой ощутимой быть.

Пишите мне своё согласие.
Я с нетерпением жду ответ.
Я в этом вижу своё счастье.
Я взрослая. Мне двадцать лет.

.....

И её письмом был тронут
Этот стойкий коммунист.
И в прекрасных мыслях тонут
Лай собак, дубинок свист.

Письмо Генри Уинстона

Я так признателен тебе,
Мой дорогой и юный друг,
Заставил лечь меня в постель
Неправды злой недуг.

Но я в строю и буду в нём,
Пока огонь в груди,
И этим пламенным огнём
Сердца людей будить.

Довольно страданий и горя –
Белый и черный обнялись.
Смотрите, смотрите, за морем
Красные звёзды поднялись.

Это костры повстанцев
В небе, холодном и мгlistом.
Скоро в свинцовом танце
Будет плясать Батиста,

Лопнул пузырь терпения,
Вздыбились Сиерра Маэстра.
Отсюда кукольная империя
Расползется с треском.

Белые, негры, метисы.
Куба – единый стан.
Катят продажные крысы
В долларовые места.

Во всю свою глотку и губы
Кричу я в морской прибой:
Куба, ты слышишь, Куба,
Наши сердца с тобой!
Наши сердца с тобой!

Я знаю: у меня должна бы быть сестра,
Она, наверно, родилась в Гаване.

Не она ли это каждый раз

Шлёт привет мне:

«С добрым утром, Ваня!».

«С добрым утром! – отвечаю ей, –

С добрым утром, милая сестрица!»

И мой привет, он времени быстрей,

Чайкой белою над океаном мчится.

А долго я считал, что я один

И что сестёр мне никогда не видеть.

Как же так, иль я забыл поди,

Ведь самого себя хотел обидеть.

Как приятно сознавать, что есть

Человек, родной тебе по крови.

И это самая земная весть –

Лучший доктор для людских здоровий.

Небом чистым, солнечным и синим,

На океанской голубой волне:

«С добрым утром!» – шлю я из России.

«С добрым утром!» – из Гаваны мне.

Помню, ещё недавно,
Теперь это редкость у нас,
Избы рубились со ставнями
От жадных, завистливых глаз.

А ныне...
Из приветно распахнутых окон
Слышишь ты, подходя к селу,
Льются гаммы широким потоком
На залитый солнцем луг.

Вечерами за чашкою чая
Соберутся бородачи,
По-мальчишьи легко и отчаянно
Каждый ставит слова-кирпичи.

Расстелят газетину свежую,
Глазами, как снайпер, остр:
– Смотрите, кубинцы отвешали
В протянутый к Кубе нос.

По-нашему бьются, здорово.
Молодчаги. Вот это – да!
Раздваивается от восторга
Дедовская борода.

И когда приезжаю к брату я,
Тут уж воды не лей:
— А ну, зазвени, обрадуй-ка
Новым стихом о селе.

Не слышал похвалы я проще,
Но она из глубин груди:
— Ничего поначалу очень,
А что дальше, того, поглядим!

1962 год

Девчонки мечтают о подвигах,
О самых великих и подлинных.
А пока рано утром проспектами
Спешат со своими конспектами,
Где в светлых аудиториях
Пишется наша история.

Ах, что за девчонки эти!
Они немножко и дети.
Они немножко и взрослые —
В колхозе вставали с росами.
На дождь мы совместно злились
И всё ж на полях трудились.

Потом у костра сидели
И песни красивые пели
О дружбе большой и возвышенной,
Что будет друзьями услышанной.
И то, что мечтать не разучатся...
Всё у девчонок получится.

И пусть по-школьному
В делах «откольные»,
Косички в бантиках,
А душа — романтиков.
Я верю мечтам девичьим
Во всём человечьем величии.

Студенческая песня

Теперь ваше дело смелей идти
По выбранному пути.
Вам декан сказал: не пожалеете!
Говорю я: не пожалеете!
Вот увидите: не пожалеете,
Что выбрали ТПИ*.

Правда, у нас тесновато
И труден жилищный вопрос,
И всё же не надо, ребята.
И всё же не надо, ребята.
И всё же не надо, ребята,
От этого вешать нос.

Разве студент заплачет.
Заплачет?! Как бы не так.
У нас поважней есть задачи.
У нас поважней есть задачи.
У нас поважней есть задачи,
Хоть этот пустяк не пустяк.

* ТПИ – Томский политехнический институт

Впереди у нас горы учебников
И конспектов с пригорок сложить.
Мы пока ещё не волшебники.
Мы пока ещё не волшебники.
Мы пока ещё не волшебники,
Но мы учимся ими быть.

Дорога уже начата,
К цели она приведёт.
Только всегда, ребята.
Только всегда, ребята.
Надо всегда, ребята,
С улыбкой смотреть вперёд!

У нас в общежитии
Двери открытые,
К нам приходите, мы рады гостям.
Мы – город и сёла,
Народ мы весёлый,
Споём свои песни мы вам.

С утра и до вечера
Заняты вечно мы.
За книгой. За книгой. За книгой сидим.
И вечер настанет,
А ты всё листаешь.
Ещё нераскрытая есть впереди.

Когда ночь приходит –
Луна хороводит,
И яркие звёзды на небе горят,
Мы в круг соберемся,
За руки возьмёмся,
Горячие руки девчат.

И снова усталость
Забытой осталась.
А песня, а песня звенит и звенит.
И сон забывая,
Нам подпевают
Дома. Тополя. И огни.

У нас в общежитии
Двери открытые.
Без дружбы. Без песен студенту нельзя.
Мы – город и сёла,
Народ мы весёлый,
Пожалуйте в гости, друзья!

Вечер перед зимней сессией

Снег в окно скребётся кошками,
В стены бьёт, остервенясь.
Кто там ходит под окошками,
Голос чей зовёт меня?

Муслию мудрость интеграла,
Проглотить его хочу.
Что-то где-то застонало.
Тишина. Ни звука. Чу!

Снова взор в свои тетради,
Мысли пробую включить.
Да не пой ты, Бога ради,
Дай студенту поучить!

И опять то крик, то шепот,
Дыбом лезут волоса,
То ль подружек милых топот,
Их ли это голоса?

Высунулся головою,
Чтобы всем ответить злом...
Только вьюга грустным воем
Отозвалась за углом.

Метель

Метель метёт уже который день,
Метель метёт уже который вечер,
А я один качаюсь, словно тень,
По этой белой крутоверти.

Я так хочу, чтоб ты пришла,
Я так хочу тебя увидеть.
Как мало надо сердцу для тепла,
Но ещё меньше, чтоб обидеть.

Пусть тополя мороз бросает в дрожь,
Пускай метель сугробы наметает,
Что ты сегодня не придёшь,
Меня никто поверить не заставит.

Я буду ждать тебя. Я буду ждать,
Как путник ждёт рассвета первый лучик,
А что метель, так это не беда,
Оно, быть может, даже лучше.

Метель метёт уже который день,
Метель метёт уже который вечер.
Ты потеплее что-нибудь надень
И всё ж приди на место нашей встречи.

Дождь в начале утра

Утром рано. Утром рано,
Когда спал ещё весь дом,
Я услышал: кто-то странно
Шебуршится за окном.

Кто он, гость наш полуночный?
Что не спит в сей ранний час?
Рассказать ли что нам хочет
Или что спросить у нас?

Может, скован он недугом,
И никто не смог помочь?
Иль жестоко предан другом,
Не сомкнул глаза всю ночь?

Или, думою томимый,
Он с поникшей головой,
Словно призрак нелюдимый,
Ходит-бродит сам не свой?

Может быть, совсем немножко
Нужно, чтоб спасти его?
Приоткрыл слегка окошко,
Огляделся – никого.

Никого определённо
Не видать вдоль улиц мне,
Только дождик листьям клёна
Что-то шепчет в тишине.

Уж март вовсю. Снег хмурится и тает.
Весной цветами грезит тихий лес,
Но вдруг нахмурится зима и заметаёт
Румянец на проснувшейся земле.

Ну, зачем? Тебя ж мы не просили,
Ты сегодня вспомни об одном:
Всё равно ты выбьешься из силы
И сосулькой звякнешь под окном.

Собирай скорей свои пожитки,
Запрягай буран, натягивай вожжу,
Так и быть, до знакомой калитки
По дороге тебя провожу.

Не сердись. Ничего не поделаешь,
Ты по-женски понять должна,
За калиткой живёт одна девушка,
А имя её – Весна!

Два письма

Письмо брата

Ты зря, Николка, бросил вуз.
И что за бес в тебя вселился?
Сейчас, наверно, щиплешь ус,
Что, мол, дурак, поторопился.

Ну что там ГЭС? Махнул б рукой
И потихонечку учился.
Я уверен, что неплохой
Из тебя б начальник получился.

Ты взял бы шофером меня
И мы б зажили, ёлки-палки,
И не прошло б такого дня,
Чтоб без охоты иль рыбалки.

Видать, подняла и тебя
Романтическая тяга.
Ну, кто теперь ты? Как и я,
Такой же, в общем, работяга.

Ты хочешь знать, чем пахнет жизнь.
А жизнь, братец мой, не «шипр»,
И пахнет так, что лишь держись
От падений и ушибов.

Ты, впрочем, знаешь без меня,
Что жизнь – не табачку понюха.
Иль хочешь быть на гребне дня?
Тогда валяй. Иди. Понюхай.

Письмо брату

В жизни кто из нас не ошибался?
Кто всегда был абсолютно чист?
В жизни кто из нас не ушибался,
Ища дорогу где-нибудь в ночи?

Не как машина человек устроен:
Заводи и мчись себе на ней.
Человек – совсем иначе скроен,
Из других материй и частей.

Может, правда, что не к добру
Мною был институт оставлен.
Но ведь, брат, никакой хирург
Вместо сердца диплом не вставит.

И не надо, не надо ручаться,
Уж тебя-то учить не мне,
Отчего же так часто-часто
Разум с сердцем в жестокой войне?

Оттого и ушёл я из дома
И начал по стране колесить,
Что, быть может, в пути незнакомом
Будет легче мне их помирить.

Пусть вовек не дойти мне до цели,
И иду я совсем не туда.
Но в одно я по-прежнему верю,
Также верю, как верил всегда:

Кто мечту свою в сердце сберёт
И пронёс через все перепутии,
Ни с какою другой из дорог
Он большак свой не перепутает.

Не те мы, друг. Не те мы, что вначале.
Уж мы привыкли к странностям земли.
Чужое горе нас уж не печалит.
Чужая радость нас не веселит.

А как мы думали! А как мечтали,
Что подрастём вот, и тогда
Мы пойдём в неведомые дали,
Чтоб солнечные строить города.

Что в каждом будет пламенное сердце
Светить далёко, тьму собой поправ,
И станут люди приходить и греться
У сердец, как около костра.

Не верю я, и сотню раз: Не верю!
Когда в стране такой большой подъём,
Встречая утро, окна все и двери
Навстречу солнцу мы не распахнём.

В природе тоже не всегда весна.
И в ней бывает близкое такому.
И ни причём тут глаз голубизна,
Чтобы смотреть на мир чуть по-иному.

Ведь так, мой друг. Ведь так
на самом деле.

И жизнь сама к тому ведёт:
Если поле плугом не возделать,
На нём едва ли семя прорастёт.

Просёлки

Бегут, как встарь, с отрогов на отроги
Просёлочные пыльные дороги.

Хотя и поднимает эту пыль
Уже не лошадь, а автомобиль.

Но жаворонок, залетев в зенит,
Как колокольчик, в воздухе звенит.

И, как пометы, по обочь дорог
Коровьи лепёшки, овечий горох...

И я иду, в пыли макая ноги,
И всё ласкает взор, и легче нет дороги.

И всему, как восторг малыша,
Откликается громко душа.

От деревни до деревни
Всё поля, луга, деревья,
Перелески да кусты,
Гати, мостики, мосты.

В небе жаворонки тают,
Над землёй стрижи снуют...
Здравствуй, Родина родная,
Где душа нашла приют.

Не прагматик и не мистик,
Здесь я свой среди своих,
Подорожниковый листик —
От всех болестей моих.

С ним, я знаю наперёд,
Приложу — и всё пройдёт,
Все, как есть, мои напасти
Потеряют силу власти,

Потому что это — я,
А это — Родина моя!

Я однажды приехал в деревню
Повзрослевший, по-детски рыж.
Здесь штаны рвал о сучья деревьев
И на санках катался с крыш.

Познакомился я с огольцами.
Раз, чуть свет, головёнки три:
– Дядя Коль, айда за ельцами,
Знам протоку – рукой бери.

Что ж, пошли. Собираться долго ли.
Хлеба взял. Прихватил удило.
Миновали дворы и только лишь –
Небо заспанное рассвело.

И в чудеснейший сад рассвета,
Где куст солнца всегда цветёт,
Быстрокрылее, чем комета,
Мчит курлыкающий самолёт.

Всколыхнулась ли детская удаль
В этот ранний июльский час,
Я не знаю, но почему-то
Не сдержался и закричал:

– Ребя! Ребя! Смотрите, мчится,
Серебряную выткав нить.
Ах, какая, какая птица!
Даже с лебедем не сравнить.

И хотелось мне куролесить
И орать на весь белый свет,
Словно было мне только десять,
Ну, от силы – двенадцать лет.

У сестры в огороде порядок,
Мы с племянником ходим меж грядок,
И он мне, как всеведущий гид,
Что на грядках растёт, говорит.

Милый мальчик, я сам из деревни,
Мне знаком этот промысел древний,
Но, поверь, я безудержно рад
Видеть зелени пышный наряд.

Вот морковь с метёлкой пушистой,
Вот укроп с ароматом душистым,
Вот чеснок – удалец, вот батун –
В пышной шляпе салатный хвостун.

Вот редиска в косыночке красной,
Мак – красавец в рубашке атласной,
Ну, а тут огурцы – молодцы
И на грядках лежат, как борцы.

Помидоры, бобы и горох,
С ними был я когда-то неплох.
Про турнепс и капусту молчу –
Это зайцу и то по плечу.

Репа, свёкла, шпинат, сельдерей –
Он дремуч, как лесной Берендей,
Земляника, виктория есть,
И смородине отдана честь.

А какой огород без картошки?
И её до ручья вдоль дорожки.
Ну, а как же – растут малыши,
Что для рынка, а всё – для души.

Заря мне светит щёчкою румяной,
Но что-то грустно одному брести.
О как мне хочется ромашкой безымянной
На том пригорке расцвести.

На том пригорке, что у самой речки,
Куда лишь я, лишь только я хожу.
Вот ночь зажгла над сводом звёзды-
свечки.

И я свой стих, во славу им, твержу.

Нет никого со мною близ и рядом.
Смотрю как плавится воды речная нудь.
Луна там чистится, как будто пред пара-
дом,
И даже не боится утонуть.

То ль вздох иль крик откуда-то доносится,
И снова тишина. Всё замерло. Молчок.
Наверно, рыбаку вцепился в переносицу
Его же собственный крючок.

Заря погасла. Щёчки нет румяной.
Домой мне больно одному брести.
О как мне хочется ромашкой безымянной
На том пригорке расцвести.

Первый снег

За ночь подморозило.
Рябина, шаль одевшая,
Глядит своими гроздьями
В окно заиндевовшее.

Не впервые я встречаю
Эти сказки. Эти сны.
Но всегда я восхищаюсь
Морем чистой белизны.

Выйдешь. Встанешь. Вздох за вздохом
Ловишь свежий воздух ртом.
Вся земля, как белым мохом,
Позакуталась кругом.

Я ступаю осторожно –
Первый снег боюсь помять.
– Разрешите, если можно,
Вас хоть с горсточку поднять!

Поднимаю. Удивляюсь,
Хоть недетские года –
Струйкой светлой извиваясь,
Под рукав течёт вода.

Вот какой ты нежный очень.

Ну, не надо, не серчай.

Ты прости, что среди ночи

Не пришёл тебя встречать.

Ты простишь. Ведь ты не любишь

Пышных встреч, готовых схем.

И всегда приходишь к людям,

Незамеченный никем.

Автопортрет 1962 года

Я конопаче, чем маковые сушки.
Вот, посмотрите на правое плечо.
Если всем раздать по две конопушки,
То и самому останется на значок.

Я – строитель. Строю дома.
Уже построил одно здание.
Моё образование? Не выжил из ума.
Пока ещё знаю, где расположена Дания.

Что я хочу? Мне хочется многого.
А если подумать. Конкретно! То!
Хочу учителя, строгого-строгого,
Ну, и на зиму хотя бы пальто.

В магазине

В магазин за нужными покупками
Приходят люди, становятся в очередь.
Ожидая, обмениваются шутками,
Новостями и разным прочим.

Покупают. Берут, что надо.
Дешёвые изделия. Изделия дорогие.
Осматривают внимательно, очень рады.
Уходят. На их место – другие.

Снова стоят. Снова шутят,
Пока что очередь движется,
Сосед в деловом этом шуме
Забылся, читая книжицу.

Подходит девушка робко, несмело,
Стараясь тайну скрыть от людей.
А мы, как будто нам что-то велело,
Вдруг все как один обернулись к ней.

Милая, будущая мама,
Мне понятно твоё волнение.
Голову выше. Смотри прямо
Без боязни. Без сожаления.

Быть мамой – не просто родить,
Не просто – малюток нянчить.
Быть мамой – миру всему говорить,
А это многое значит.

Может, поэтому, не знаю точно,
Близ прилавка, уставшая очень,
Старушонка сказала: «Дочка!
Подходи, бери без очереди».

Она подошла и сказала: «Спасибо».
Не одной старушонке, всем нам.
Никто не ответил «пожалуйста», ибо
Оно не нужно было там.

Учебная тревога

Мать прижала девочку к груди.
– Граждане, воздушная тревога! –
Репродуктор со стены гудит
Предупреждающе и строго.

«Неужели вновь война!
Неужели! Неужели! Неужели!» –
Широко глаза раскрыв, она
Застыла с дочкой без движений.

«Вновь провожать, надеяться и ждать,
Своё сердце мучая в догадках,
Если есть профессия страдать,
Так почему она дана солдатке?

Опять идти. Идти. Идти,
Детей теряя по дорогам,
И не видать конца пути
И ни приветного порога.

Я не хочу! Я не хочу! Я не хочу!»
Вся она – тревоги и печали...
И в берега обычных чувств
Вошла тогда, когда к ней постучали.

Соседка вскрикнула испугано: «Да ты!
Ты посмотри, ты бледная такая!
Пойдём, нас ждут условные посты —
Тревога-то небоевая».

Русский пляс

Шире круг! Шире круг!
Парни, девушки вокруг.
Танцы начинаются.
Пары не решаются.

Пой, баян, веселей.
Гармонист удалый.
Каблуков не жалей.
Кто сегодня вялый?

Долго дед сидел, смотрел
И сказал: А, ну-ка!
Я давно уж не пострел,
В этом ли вся штука!

Восклицают люди тихо:
Поглядите-ка, наш Тихон!
Что руками, что телом
Кренделя выделывает.

То вприсядку пойдёт,
То помчится кругом,
То вдруг вверх взметанёт
С небольшим натугом.

Озорно глаза горят.
Борода – лопатой.
Девки ахают. Глядят
С завистью ребята.

– Эх, как ус я подкручу.
Рукава как засучу,
Как притопну, как прихлопну –
Девки все лишатся чувств!

Круг раздался. И вот
Молодица вышла,
Ну-тка, глянем, чья возьмёт,
Кто по классу выше?

– Я б сидела, не плясала,
Да уж где мне не плясать.
Вызывает даму старость,
Старость надо уважать!

Плавню к деду подошла,
Рядышком поплыли.
Чем же пара не мила?
Чем не молодые?

Вьются: юбка, шаровары,
Босоножки, сапоги.
Есть старик. Но где же старость?
Оба быстры и легки.

Только дробь летит до слуха,
Слева, справа, впереди.
Гармонист к баяну ухо:
Ну, дружок, не подведи!

Перебор берёт проворно.
– Дам я темпа, погоди!
Эх, ты, русский пляс задорный,
Ну попробуй, усиди!!!

**Рассказ мальчика Андрюши о том,
как он научился решать
арифметические задачи**

У меня была с задачей
Пребольшая незадача,
Как ни бился, ни старался,
И во всем дружку признался:
— Так, — в ответ сказал мне Вова. —
Ты прочти её толково
И забудь про снегирей
На полчасака, Андрей.
Эти дачи, что в лесу,
Ты сначала нарисуй,
А идущих к ним ребят
Ты представь как наш отряд.
Делать нечего, пасую,
Бор раскидистый рисую.
Вывожу рядком две дачи,
По крылечку к ним впридачу.
Та-та-та! Ду-ду-ду! —
Пио-не-ры идут.
Знамя вьётся впереди.
Вова, Вова, погляди,
Это наш идёт отряд,
Ты — вот тут, а тут вот — я.

Мы подходим к этим дачам,
Расселить нас – вот задача?
Я, конечно, Петю, Мишу
Соберу под одну крышу,
И тебя забыть нельзя,
Как-никак, а всё ж друзья.
И ещё возьмём в палаты
Человечка два – и хватит,
Может, даже и троих,
И довольно, много их.
– Нет, – в ответ сказал мне Вова. –
Обошёлся ты сурово,
Ведь у нас совсем иначе
Предусмотрено задачей.
Ты поссорил их, а нужно,
Чтоб ребята жили дружно.
В том отряде двадцать шесть,
А у нас две дачи есть.
Сделай так, чтоб у тебя
Было поровну ребят.
– Ну-у-у... Тогда пускай живут
По тринадцать там и тут.
– В этом вся и закорюка!
Мы взглянули друг на друга,
Как всё просто, в самом деле,
Мы пошли и враз запели:

«Хорошо на свете жить,
Если можно с кем дружить,
Если оба – ты и я –
Настоящие друзья»

.....

По душе мне такие ребята,
Пионеры и октябрюта,
Как Андрюша и Вова,
Честное слово.

Сказка о мальчике Пете и его межпланетной ракете

*(В день полета Юрия Алексеевича Гагарина
в космос 12 апреля 1961 года)*

Жил на свете
Маленький Петя
С папой, с мамой, милой бабушкой.
Кашу ел, пил молоко, играл в ладушки.
Каждый день по переулку
Петя совершал прогулку.
Он играл в аллеях парка,
Там свежо, не очень жарко.
Там мороженое всегда
И к тому же газ вода.
А зимою на дворе
Забывался он в игре.
Или с горок на салазках
Он катался, словно в сказках.
Так текли за днями дни,
Будто бы они сродни.
Но однажды в день апреля,
В день весёлого капеля,
Сговорясь ли все в квартире,
Разом вдруг заговорили.

Папа входит со двора:
«Наши – в космосе! Ура-а-а!!!».
Петю он к себе привлёк
И взметнул под потолок.
«Петя, милый мой сынишка,
Мой прекраснейший парнишка,
Чуешь ты, что это значит,
Пожелаем же удачи!»
И от радости такой
Он взметнул разок-другой.
Петя знал, что папа хочет.
Он смеётся, он хохочет:
«Папа, выше! Папа, выше!
Хоть до самой нашей крыши!»
Баба бросила продукты
И включила репродуктор.
Тут собрались, будто к Пете,
Все соседи, те и эти.
Каждый весел, каждый горд,
Будто он берёт рекорд.
Репродуктор громко, зычно,
Чтобы слышали публично,
Все застыли как один :
«В космосе советский гражданин!».
Вспомнить, что произошло,
Ой, ну прям-таки смешно.

Баба с папой в пляс пустились,
Петя с мамой закружились,
И соседи, те и эти,
Танцевали будто дети.
«Наши в космосе, ура-а-а!» —
Крик влетает со двора.

.....

Долго город ликовал,
Всё же сон людей сковал.
И приснился Пете сон.
Снится Пете, будто он
Самый первый в белом свете
Улетает на ракете
В те далекие миры,
Что землянам «вне игры».
На всех звёздах звёздочане
Пете здравицу кричали.
Он им дружески в ответ
Говорил: «Привет! Привет!»
Вот и цель его прилёта.
Вышел он из звездолёта,
А его уже здесь ждут
И с почётом в храм ведут.
Храм просторный. Храм воздушный.
Воле голоса послушный.

Можно мыслью управлять
И предметы оживлять...
И хотя чудес немало
Петю очень занимало,
Мимо них прошёл он смело,
Для него главнее дело.
Вот под сводом голубым
С мудрецом он сел седым,
И вдвоём спокойно тут
Разговор они ведут
И об этом, и о том,
И о многом о другом.
Мы-то знаем, мудрецу
Чуть помудрствовать к лицу.
Но в сей раз всё было внятно,
Очень просто и понятно.
Хорошо ли Пете в школе?
Что растёт в лесу и в поле?..
Что они всегда не прочь,
Если надо в чём помочь,
«А ещё, – добавил он,;
Шлём землянам наш поклон.
Будем с вами в мире жить,
В гости ездить и дружить.
Мы знакомству очень рады,
Нет для нас иной награды.

И, возможно, через год
Наш корабль к вам придёт».
Петя перед мудрецом
Не ударил в грязь лицом
И сказал ему в ответ:
«От друзей секретов нет.
Мы вас встретим по-земному,
По обычаю такому:
Мы дадим вам хлеб и соль,
Но сердиться, чур, изволь.
Всё, что лучшее – покажем.
Обо всём ином – расскажем.
Встречи с вами проведём.
Мы вас очень-очень ждём».
Планетяне руку жали,
До ракеты провожали,
«Чашу Неба» поднесли
В благодарность всей Земли.
Петя снова весь в дороге,
Место знают руки, ноги,
И глаза глядят вперед,
Где Земля свершает ход.
Путь домой всегда короче,
День прошёл, ещё полночи,
И родная сторона
Уж из космоса видна.

Вот к Москве он подлетает,
Во дворе корабль сажает,
И бегут на радость к Пете
Все соседи, те и эти.
Папа, мама, баба Лиза.
«Баба, я уж не каприза!»
Тут ребят знакомых рой,
И заплакал наш герой.

.....

Петя в этот миг проснулся,
Огляделся, потянулся
И промолвил тихо он:
«Неужели это сон?
Есть иль нет такой ракеты,
Что летает на планеты?»
Он к окошку подошел.
Что же взгляд его нашел?
Купола в лучах сияют,
Краны шеи поднимают,
И Москва, как богатырь,
Распростёрлась во всю ширь...

.....

Закрывайте, дети, глазки,
Вам сложу другие сказки,
Пусть всю ночь вам сладко спится,
Пусть вам лучший сон приснится,

Но могу сказать, что он
Может быть осуществлён.
Есть ещё такие дали,
О которых не слышали.

.....

Будьте счастливы.
А там...
Открывать их только вам!

Жизнь, кипи и отмеряй сажени,
В сердце кровь свежа и горяча,
Мы коммунистическим движеньем
Отмечаем память Ильича.

Мы чтим его не бронзой, а делами.
Он с нами рядом. Он во всём.
И им над миром поднятое знамя,
Как маяк, мы над собой несём.

Мы это знамя поднимаем выше,
Его приняв из рук своих отцов,
Оно, как солнце – у порога хижин,
Как зарево пожарищ – у дворцов.

Старуха-тьма беснуется в бессилье,
Глядя на этот юный цвет.
Народы мира тянутся к России,
Ища в ней друга и совет.

Пускай беснуется, ей никуда не деться,
Уж утро новое восходит впереди,
Оттого, что ленинское сердце
Бьется у истории в груди.

Солнце печёт,
Хорошо у реки,
На зеркале вод
Плывут поплавки.
Песок перины
Раскалён докрасна.
Лежу на спине,
Улыбаюсь – радостно.
Река – гладь
Стоит, не движется.
Какая благодать!
Читаю книжицу.
О книгах говорить ли,
Куда ни взгляни,
Это и будет
Одна из книг.
Высоко в небе
Ласточки носятся.
Вот и мне бы
Поближе к солнцу.
Порхать, резвиться,
Не осердясь ни разу,

Жить, как говорится,
У Бога за пазухой.
Работать не нужно,
В раю всё есть,
Захотели кушать –
Садитесь есть.
А если взгрустнётся,
Тут же вам сразу
Красиво и модно
На сцене покажут.
Нам ли с тобой,
Трудовой молодёжи,
Райский покой
Беспокойства дороже?
Мы – где нужны мы:
Во всём и везде.
Мы радость находим
В нашем труде.
Чтоб над Кремлём
Золотела звезда,
Чтобы спешили
В тайгу поезда.
Чтобы в полях
Колосилась пшеница,

Чтобы встречались
Счастливые лица.
Чтобы все люди
Нашей земли
Наши успехи
Видеть могли
И, вдохновляясь,
Брали пример
С великого нашего
СССР!

Тучи солнце полонили,
Увели в свой тесный терем.
Ивы ветви опустили –
Как же быть теперь им?

Ой, не сядут больше птицы
Свои песенки попеть.
Не придут грустить девицы,
И листве не зеленеть.

И заплакали берёзы
Возле речки на угоре:
Кто увидит наши слёзы?
Кто услышит наше горе?

Только ветер. Только ветер,
Бесшабашный озорник,
Их услышал и ответил:
О-о-о, я вмиг!

Полетел навстречу тучам
Он на конике своём –
И они с небесной кручи
Проливаются дождём.

Вот пролились. Удалились.
И растаяли вдали...
Все кругом преобразились
И привстали от земли.

И лишь всплеск на глади зыбкой.
И лишь облако над нивой.
И жемчужною улыбкой
Озарилась ивы.

И воспрянули берёзы
Возле речки на угоре.
От дождя отжали косы
И забыли своё горе.

И опять запели птицы,
Стали прыгать и летать.
И опять пришли девицы
Погрустить и помечтать.

Дружинники

Что стоишь ты у ворот,
Подбоченясь,
Видишь, то идёт народ
К светлым целям.
Ветры нас зовут, трубя,
В путь-дорогу,
Только, видно, не тебя,
Недотрогу.
У тебя домишко есть,
Огородик,
Ты – народ, а мы, бог весть,
Лишь народик.
Для тебя и дела нет
Как мы? Кто мы?
Есть на всё один ответ,
Одни догмы.
Ты как будто бы на глаз
Даже добренька,
Ведь всё в домике у вас
Так удобненько.
Ах, как нравится тебе
Это лонико,
Словно стража при избе
Стадко слоников.

Иль избушка – весь твой мир
С молью вдосталь.
Кто же держит за дверьми
Свою молодость?
Иль тебе лиха гурьба
Да ужимники.
Ой, судьба твоя, судьба,
Эх, дружинники!
И не прячьтесь вы уж,
Спекуляшки,
Поднатягивай туже
Подтяжки.
Я дружинник, иду –
Живо в норы
Кроты-крохоборы.
С вами дело великое
Строить ли,
Тля безлика,
Только лишь сорите.
Поджимайте хвосты
Тунеядцы и жильники.
Он.
Я.
Ты –
В дружинники!

Эх, эх, хорошо,
Увлекательно,
Жить сегодня, дружок,
Замечательно!

Каждый день. Каждый час
Нам ли тешиться?
На работу у нас
Руки чешутся.

Открываем пути
Мы без боли,
Сто дорог обойти
Или более.

Тыщи дел совершить,
Каждый – подвиг чтоб,
А иначе и жить-то ведь
Не за что.

Где тайга поёт
И шумят поля –
Впереди идёт
Комсомолия.

То ли с севера,
То ли с юга мы,
Жизнь меряя,
Стали друзьями.

Нам ли тесно
От обоюдности,
Побеждаем совместно
Все трудности.

Ставим цель мы во всём
Незабвенную.
Удивляем трудом
Всю Вселенную.

Всё, что в планах сейчас,
Будет пройдено,
Одно солнце у нас,
Одна Родина.

Нам, советским,
Великая миссия —
Строчки светлые
В летопись вписывать.

Ода маневровому паровозу

Отживает век свой, отживает
Трудыга наш коняга-паровоз,
И всё ж остаток силы напрягает,
Чтобы тянуть уж непосильный воз.

Его глаза полны отчаянья,
О, добрый, верный старый конь,
Ты с нами шёл, не разлучаясь,
Как друг, и в воду и в огонь.

Ты нас водил к горе Магнитной,
И на ТуркСиб, и на Амур.
Такой судьбы, судьбы завидной
Не выпадало никому.

Уходит время. Мы – вдогонку.
И где тут нам передохнуть.
Ты не спеша сошёл в сторонку,
Освободив другому путь.

А тот, другой? Он весь – движенье.
Он молод. Строен. Полон сил.
О, как красив он в нетерпенье,
Ведь каждый в юности красив.

Вот он. Вот он в своей сбруе новой
Скользит по рельсам, как по двум
лучам,
И вдали увидев маневровый,
Пролетел, успев лишь прокричать:

– Что, старина, гудишь ещё поди-ка?
Поговорил б – да некогда,
секундой дорожу!
И старый конь, копытами потикав,
Заржал в ответ: «Гужу, сынок,
пока ещё гужу-у-у!».

Баллада о петухе и студенте

Жил на свете петух.
Ух!
И жил на свете студент
В тот момент.
Петух был важен и горд,
Как лорд.
А студент был бледен и худ,
Как «уд».
Петуха кормил дед –
Не секрет.
А студента кормили в столовке
«Совторговки».
И не брал их ни мир ни совет,
Нет!
Среди белого дня, среди сна
Шла война.
Если рядом старик –
Ни пик.
А случится глаз к глазу
И сразу...
Встанут грудь перед грудью и – ша!
Ни на шаг.
Так и жили ни много ни мало.
Эх, мама!

Эх, мама моя ты, эх, мамочка!
Не жизнь, а могила —
Ямочка.
Стал петух всё толстеть и толстеть.
А студент всё худеть и худеть.
И подумал студент: так и быть,
Мне не жить,
Но и ты потеряешь, петух,
И перья, и пух!
И занял студент три рубля,
Тру-ля-ля!
И отнёс он их старику —
Дураку.
И повержен петух был во прах,
Ах!
А студент?..

А студент, отведав петушиных потрохов, воспрянул и духом, и телом, да так, что успешно защитил диплом.

Но и по сей день, став уважаемым человеком и отцом семейства, он непримирим с петухами, хотя, при случае, предпочитает цыплёнка-табака!

Феерическая баллада

В этаким таком-то...
Не скажу, году,
Чтобы не накликать
Невзначай беду.

Надоест народам
Мирно поживать,
Захотят народы
Чуть повоевать.

Вот, проснётся Ванька
Да затопит баньку,
Да покличет Маньку
Спинку почесать.

Вот помывшись в баньке,
Поскакав на Маньке,
С этакой чесаньки
Как ни помахать,
Скажем, рукавами.

Вот он на опушку
Вытолкает пушку,
И дуло, как кадушку,

Станет набивать
Этаким бесом
Рыбой да лесом,
Нефтью да газом,
Не моргнув и глазом,
И хмыкая умильно,
То бишь, чем обильна
Русская земля.

А потом, почесав в затылке
И «хрюкнув» полбутылки,
Сунет – для меры никак –
Пару девиц,
На, мол, Америка,
Жри, подавись!
Ну, гля!
Тра... ра... ах!!!

А в это время в Америке...

А в это время
Буржуйское семя
Ходят по стритам
Гарри со Смитом.

Ходят. Гуляют.
Гамбургеры жуют.
На асфальт не бросают.
В урны не плюют.

Вот им-то прямо в руки
Упали эти штуки,
Они от изумления
Глазёнки-то на лоб —
Бывает везение,
Но такое чтоб?!?!..

И тут, как бы в угаре,
Крикнул Смигу Гарри,
Крикнул Смигу Гарри:
«What is it, my friend?
Видно, рашен Ванька
Хошэт наша странька
Малэнький презент!».

И в Америке сытной,
Завистливой и скрытной,
Им без промедления
Найдут применение,
С лёгкой усмешкой
Проявив интерес —
«Ye-e-es!»

И в России...

(некоторое время спустя)

За деревней на полянке
Что-то делали крестьянки,
Что-то там такое,
Почти не беспокоя.
То ли репку дёргали,
То ли детку торкали
При большом народе...
Ну, что-то в этом роде.

«Мой милёнок ненаглядный
Мне прислал портрет парадный.
Милый на портретике
В голубом беретике».

И тут как трахнут небеса —
И посыпалась краса.
Силушки небесные,
Ужас интересные:
Лифчики с трусиками,
Да эти штуки... с усиками,
И на всём «made in USA».
Вот так чудо-чудеса!

Что тут было! Что тут стало!
Всё кругом затрепетало.
Всё пришло в движение —
Как винобродение.

То, что можно — побросали.
То, что должно — в сумки взяли,
Зарясь на обнову:
«Бери — загребай!»

.....

Тут нам и — HELLO!
Тут нам и — GOOD-BYE!

Удивление

Человек пока – не человек,
Человек пока что – человечек,
Что-то непонятное лепечет,
Машет ножками как бы беря разбег.
Человек для жизни был рождён,
Человечек очень удивлён.

Но кровати человечку мало,
Для того ли в жизнь он пришёл,
Человечек по земле прошёл
И сказал большое слово – Мама!
Человек для жизни окрылён,
Человек, как человечек, удивлен.

Вот и человечек-человек,
Как большой, взъерошивает чёлку,
И почему-то на соседскую девчонку
Уж целый год поднять не в силах век,
Сразу видно – человек влюблён,
Знает человек, а удивлён.

Человек стал строить города.
Плавать в море. Возводить плотины.
Распутывать созвездий паутины.
Пшеницу сеять и пасти стада

И, увидев всё, что сделал он,
Человек и горд, и удивлён.

Сединой покрылась голова,
У детей свои родились дети —
Есть такой простой закон на свете:
И природа, кажется, права.
Это значит, человек, как клён,
Знает человек, а удивлён.

И пока вращается земля
По законам чудных навигаций,
Человек не перестанет удивляться,
Человек не перестанет удивлять.
Человек и будущих времён
Удивленьем будет наделён.

Друзьям-геологам

Все ждут весну с надеждой радужной,
Крестьянин ждёт, и президент.
И всё ж никто ей так не радуется,
Как радуется ей студент.

И недаром небо чуть рассвежится
И пригреет солнышко слегка,
Никакой студеус не удержится,
Чтоб не примерить лямки рюкзака.

Пусть не сразу к нам придут открытия,
В мире тайн – неведомый запас.
Приумолкнут стены общежития,
Из маршрутов ожидая нас.

Мы пойдём по северным дорогам,
Нам никак нельзя их обойти,
Там сейчас работы очень много,
Значит, там без нас не обойтись.

И продымясь уже навек кострами,
И укрепив к познанию любовь,
Промытые дождём, продутые ветрами,
Как дружная семья мы соберёмся вновь.

Снова будет встречать рассвет,
Круг друзей моих шумен и тесен.
И пройдут пять студенческих лет,
Словно пять замечательных песен.

.....

Летят года, меняя нашу внешность,
Но душой не поддадимся им,
И весны тревожную мятежность
Мы ещё надолго сохраним.

И порой, лишь небо чуть рассвежится,
И пригреет солнышко слегка,
Осточертеет нам в квартирах нежиться,
И старый свой рюкзак начнём искать.

Портрет проводника

Весна ещё очень маленькая,
Маленькая, как новорожденный,
Вышел дедушка на завалинку
И сидит на ней – замороженный.

Капли звонко по лужицам чокают,
Воробьи после вьюг приободрились,
Ветерок, как внучонок, ручонками,
Удивленный, потрогал бороду.

Значит, речка вот-вот оправится,
Вновь придут с низовья катеры,
И опять, взяв ружьё, отправится
Водить по тайге искателей.

А пока набивает трубочку,
Под усами улыбку скрадывая:
– Ишь ты, думал, глухие тропочки,
А выходит, бродил над кладами.
Да-а-а-а!

Смотрю вокруг, и сердце моё радо.
Я счастлив. Да. Ведь как ни говори,
Что ни квартира – тут тебе и радио,
Что ни окно – то лампочка горит.

Уже на Марсы не глядим, а катим.
И наша цель – не за горами, близь.
И эти корабли нам очень кстати,
Без них не мыслим наш социализм!»

Вам – космонавтам, вам – героям
Не первым посвятил я стих,
И вдохновенья, я не спорю,
Хватит разом на двоих?

Вам крылья Русская земля
Дала. И вы достойны дара.
Вы – победители, хотя и сыновья
Дерзновенного Икара.

Вот вам пример: летит чуваш,
А завтра – осетин.
Но кто б он ни был, он же наш –
Советский гражданин.

Так мчитесь, братья, дружно, смело,
Не много ждать осталось лет,
И в том святое наше дело,
И разуму в нем нет предела –
Постигнуть тайны всех планет.

«Мама, прости меня. Сёстры, простите,
Я уезжаю делать открытия,
Там, где от сосен зелёные горы,
Как солнце поутру, рождается город».

... Мне песенка эта с городом детства —
Отцовская память, отцово наследство.

Я бегал по улицам, светлым и славным,
Где жили медведи еще так недавно.
И в песнях, что вместе с мальчишками
пели,
Она затерялась снежинкой с метели.

Окончена школа. Семнадцать минуло.
Как птицу, куда-то меня потянуло.
Как чувствуешь в осень ушедшее лето,
Я снова почувствовал песенку эту.

«Мама, прости меня. Сёстры, простите,
Я уезжаю делать открытия,
Там, где от сосен зелёные горы,
Как солнце поутру, рождается город».

Вечер после дождя

Улица блестит, как пруд,
И фонари над ним, как лилии.
На что уж люди, и те плывут
Каким-то этаким стилем.

По лужам ярким, как наклейки,
По асфальту, по грязи
Такси шныряют, как уклеики,
И ЛАЗы ходят, как язи.

А месяц, озорной парнишка,
С такой огромной высоты:
– Глядите, разве я трусишка?
Разбежался и – бултых!

Чуть было в крик себя не выжал:
Ведь он утонет! Он погиб!
Лови же, Господи, лови же
Окон спасательные круги!

Случается ж такому быть.
Говорят, почище с нашим братом
деется...

Кто-то подошёл: «Товарищ,
извините, закурить
У вас, случайно, не имеется?»

Ребятам 1940-х годов

Дома сбегают огородами
К реке на встречу с пароходами,
И мы – деревни детвора, –
Узрев дымок, кричим: «Ура-а-а!»

Вот развернулся. Вот причалил.
Вот умолкает говор плиц...
И вновь в надежде и печали
Глядим, не видя милых лиц.

Одуванчики

Девочка. Маленькая девочка
На лужайке собирает цветы,
Неказистые, самые первые,
Неособенной красоты.

Но такие нежные и яркие,
Словно солнышки держит маленькие.
Я знаю: это подарок
В день рождения маме.

Мне сказала она по секрету,
Девочка, маленькая девочка:
Правда же, букетик этот
Маме радость сделает?

Провожает село новобранцев,
Ненаглядных своих ребят.
Отливает заря багрянцем,
Над рекою талины спят.

Завтра утром они уедут.
Завтра утром. А ночь тиха.
И девчата поют заветные
Ой, под звонкие меха.

На поля. На дома. На кустарник
Звёзды льют свой серебряный свет.
Ходят молча с подругами парни
Призывных девятнадцати лет.

Не печальтесь, подружки, не надо,
Успокойте волненье души.
Тот, кто вырос здесь, будет солдатом
И товарищем верным, большим.

Вот-вот прольётся дождь огней,
Вот-вот содвинутся бокалы
За доброту минувших дней,
За предстоящие начала.

И, помня русский наш обряд,
Обряд хороший, человеческий,
Я вас поздравить очень рад
И пожелать вам в этот вечер,

Чтоб добрый дедушка Мороз,
Несущий радость всему миру,
Своим вниманьем не обнёс
И вашу скромную квартиру.

Я знаю: он не обнесёт,
Он добрый, милый стариканчик,
И обязательно зайдёт
За счастье осушить стаканчик.

И вы вина не пожалейте,
Уж вы в стаканчик старика
Полнее лейте, лейте, лейте,
У старых – лёгкая рука.

Ледоход

Лёд идёт. Лёд идёт.
С главной улицы народ
В парк рекой вливается,
Смотрит, улыбается.

Всюду льдины, льдины, льдины,
Но уже до середины
Тут вот. Там вон —
Плеск волн.

Их игрой замороженный,
Всё стоишь и смотришь ты -
На поклон волне солёной
Мчатся белые киты.

Первый пароход

Развернувшись из-за плёса,
Свой наращивая ход,
Белым зданьем на колёсах,
Выплыл белый пароход.

За последней стайкой льдинок,
Под весёлые гудки
Он уходит серединой
Переполненной реки.

Дым над чёрною трубою,
И с осанкою орла,
Оставляет за собою
Два размашистых крыла.

Я стою на крутояре,
Вровень мчатся облака.
В сердце радость, словно ярость —
Не сдержать её никак.

Чем дальше уходит дорога,
Тем ближе оставленный дом.
Теперь, когда детство далёко,
Всё чаще я мыслями в нём.

То были суровые годы,
Над миром гремела война.
Лишения и невзгоды
Переживала страна.

И в нашей деревне таёжной,
Вдали фронтовых дорог,
Война, позабыв осторожность,
Ступала на каждый порог.

Родных и друзей уводила,
А скольких уже увела,
И никакая сила
Ей помешать не могла.

Все тогда жили плохо,
И мы не лучше других,
Но каждый последнюю кроху
С соседом делил на двоих.

Картошка – уже благодарен,
Крапива да лебеда.
Случалось, и выпадали
Такие, что просто беда!

И всё ж в этом мареве бедствий
Я видел прекрасные дни,
Ведь детство – всегда есть детство,
И в этом его не вини.

Я видел: верба закипела,
В лугах одуванчик цветёт,
И нежная девочка в белом
Нежную песню поёт.

Со временем всё позабылось:
Деревня, и песня, и луг,
Лишь что-то в душе сохранилось,
Похоже на слово и звук.

Теперь я не мальчик, а дядя,
Ничто не вернуть назад,
Но, в детство печальное глядя,
Я не печалю глаза.

Я вижу: верба закипела,
В лугах одуванчик цветёт,
И нежная девочка в белом
Нежную песню поёт.

Заводская окраина

Небо в дымы окрашено,
Под окнами топольки.
Над городской окраиной
Гудки, гудки, гудки.

Иду не спеша по улице,
В душе теплота и свет,
И сердце по-детски волнуется
При виде знакомых примет.

Вот и родной переулок,
Четвёртый налево мой дом,
Словно улыбкой блеснуло
Окошко вечерним огнём.

Ну что ж я стою растерянно,
Дальше боюсь идти.
Видно, то, что потеряно,
Мне уже не найти.

Я подхожу к воротам
С тихой надеждой втайне,
Что всё-таки, может быть, кто-то
Помнит ещё обо мне.

И снова, как в годы ранние,
Вздыхают всю ночь старики...
Спать заводской окраине
Не дают гудки.

Вот опять, опять ты наклонилась,
Словно над ребёнком, надо мной,
Мама, мама, что с тобой случилось?
Что с тобой?

В тихой мгле белеют твои пряди,
Робко вьюга дремлет на виске.
Всё равно готов лицо я спрятать
В вечно тёплой маминой руке.

Постояв, уходишь незаметно,
Почти беззвучно тапками шурша.
Каким вопросом и каким ответом
Твоя сегодня мучилась душа?

Будильник робко спорит с тишиною,
Ты вздохнула, скрипнула кровать.
А завтра утром встанешь ты со мною
На работу сына провожать.

Пока я моюсь, стол уже накрытый.
Садимся рядом, те же мы, всё те ж.
И как всегда упрек непозабывтый:
— Опять, сынок, ты ничего не ешь!

Мне пора. Уж время. И дорога
Минуты тоже требует себе.
– У нас сегодня дел скопилось много,
Я задержусь, возможно, на обед.

Ты молчишь, тебе уже знакомо,
Тобой услышаны они не в первый раз,
И лишь морщинок тонкая солома
Обидно поломалась у глаз.

Ты не ищи, им не найти подобных
Ни при каком сиянье фонарей,
Лишь у них, у ласковых и добрых,
Их больше всех у наших матерей.

Они нежны, они порой и строги,
Но равнодушных сроду не найдёшь.
Всю нашу жизнь – печали и тревоги –
Ясней, чем в книжках, ты по ним
прочтёшь.

Я иду, мне радостно и грустно,
Друзья навстречу: «Здравствуй!»
– Добрый день!

Я знаю, мама, тебе очень трудно
Одной-одной до вечера сидеть.

Польёшь цветы на солнечном окошке.
Рассмотришь фотографии ЕЁ.
Ночь не спалось.

Вздремнуть хотя б немножко,
Подумаешь, а так и не вздремнёшь.

Переберёшь рубах моих поклажу,
Зашьёшь все дырочки заботливой рукой.
За книгу сядешь, будешь ждать, когда же
Придёт с работы самый дорогой.

И я приду. Плескаться шумно буду.
Настанет ночь. Возьмёт свои права.
И опять, опять я позабуду,
Идя ко сну, тебя поцеловать.

И, надо мной склонясь, над полусонным,
Что-то нежное ты будешь мне шептать.
О как я не пойму, сынок твой бережёный,
Что ты же мать, что ты моя же мать!

Лунный свет. Забылся и не знаю,
Я думаю иль говорю в бреду:
— Вот так мы и живём, моя родная,
А дни идут. А дни идут, идут.

Романтики

Девчонки с косичками в бантиках
Сидеть бы им дома, так нет –
Подай вот и всё романтику
В семнадцать неполных лет.

Идут на большие стройки,
В поле, на фермы идут.
Трудно, но держатся стойко
И только задорней поют.

От песни сердца волнуются.
Песня, как гимн, летит.
С мальчишками соревнуются:
Кто кого победит!

Испытай вот таких, попробуй,
На каких на таких ветрах.
Приходят в испачканных робах,
С мозолями на руках.

Иногда и взгрустнётся с чего-то,
Дружбой тесен подружек круг,
– Эй, девчата, а ну за работу!
Улыбнутся – и радость вокруг.

Ах, девчонки, косички да бантики.
Видно, так повелось уж друзья,
Что без этой вот самой романтики
Обойтись в нашей жизни нельзя.

Вечерняя прогулка

За город с большой охотой
Я иду, хоть подивись –
Арбузной коркой с позолотой
Месяц на небе повис.

Вечер. О! Свиданий касса.
Небо путаю с водой.
Хорошо б взнуздать Пегаса
Среброзвёздною уздой.

С нежной Музой повенчаться,
Гой! На свадьбу приходи!
На Пегасах будем мчаться
Вдоль по Млечному Пути.

Из ковша Большой Медведицы
Выпьем доброго вина,
Что само собой нацедится.
Рыбка тоже подана.

Что ещё тогда причудится?!
Не хвалюсь... по то, что грех.
Вот возьмёт оно и сбудется
Всем на зависть, мне на смех.

Величальный романс

Поздравляю с днём рождения
И храню для вас желание:
Чтоб здоровье – на удивление,
А улыбка – на очарование.

Не скажу, что вы красавица.
Не польщу вам лестью мнимою,
Всё ж вовек не разонравиться
Прелестью необъяснимою.

И представить вы не можете,
Что в руках своих имеете.
Как вы сердце мне тревожите.
Как душой моей владеете.

Но всегда пройдёте около,
Как волна перед осокою,
Что я вам? А вам бы сокола,
Чтоб полёта был высокого.

Что задумано – пусть сбудется.
Что загадано – исполнится.
Но и слово не забудется
И в свой час оно припомнится.

Поздравляю с днём рождения
И храню для вас желание:
Чтоб здоровье – на удивление,
А улыбка – на очарование.

Моему блокноту

Мой блокнот – олень на корочке,
Его всегда с собой ношу.
Свои стишки и поговорочки
В него нет-нет да заношу.

Возможно, сыну или внуку
В нём интерес какой-то есть.
С восторгом праведников: «Ну-ка!»
Они возьмут его прочесть.

И посмеются, может быть,
Сын над отцом, а внук над дедом.
И бросят в ящик, чтоб забыть
Мои стихи и прозу следом.

Нет-нет, я славы не хочу,
Ещё тем более тщеславья.
В работе я перо точу
И там беру к стихам заглавья.

Пусть я не нов среди поэтов.
Пускай не то, не так пою
И не поведал вам секретов
Поэзии,
Я сам кроплю
Над ними...

Другу-стихотворцу

В бою и маршалу не всякий виден воин,
Как море нам не видно из-за гор.
Коль ты поэт, так будь спокоен,
Ты сам себе судья и прокурор.

Пускай тебе мячат и кричат,
Что все твои стихи и грош не стоят.
А те, кто одобряет, пусть молчат,
И праведцы, тебя бичуя, воют.

Ты знай своё: железо днями куй,
Дабы живот не музой вовсе сытен,
Других читая, сердцем не тоскуй,
И стих пребудет твой и бодр, и язвитен.

Трудись и верь: придёт твой в жизни час,
История в движеньи бесконечна,
И если о тебе молчат сейчас,
То завтра весь твой труд оценят человечно.

Но не мечтай ты о коронной славе,
Не будь паяцем у властей,
Лишь лжепоэту подавай тщеславье,
А истинный поэт прост до костей.

И твёрдо помни, для кого ты пишешь
В особый наш двадцатый век.
Ты видишь, как встаёт, ты слышишь,
И идёт свободный, гордый Человек!

Будь рядом с ним. Шагай с ним в ногу,
Пусть станет и порой невмочь,
И верен будь ему на всю его дорогу
И день и ночь. И день и ночь.

Я счастлив был краткое время,
Когда средь сибирских снегов
В детдоме на равных со всеми
Я рос, не слагая стихов.

Семь лет как минула война
И скоро детдом наш закроют.
Последних сироток страна
Полезному делу пристроит.

О, эти разлуки, разлуки.
Вдруг смолкнут ребята, тихи.
Тогда я улавливал звуки,
Что после сложатся в стихи.

Мне жизнь задавала задачи
Такие, что враз не решить.
Желала добра и удачи,
И, если она что-то значит,
Просила меня поспешить.

«Не сложно – прими же на веру –
Пробраться тебе на верхи.
Карьеру поставить к барьеру,
Всего-то – забудь про стихи».

А я, не обдумавши дела,
Слагал, и была ни была,
Та искра, что слабенько грела,
Сожгла мне всю душу дотла.

Бессмысленно с кем-либо спорить,
Что в рай не пускают грехи,
Я смог бы себя там устроить —
Во всём виноваты стихи.

Мы много поём о себе и о своей крови,
Но каждый остаётся по-своему глух,
Мы просто-напросто разноцветные
коровы,
Выпущенные на поэтический луг,

Мы все уважаем редактора-пастуха,
Увидели издали и а ну хвостами ему
кивать,
У которого без «огрехов»,
без «рифма плоха»,
Можно спокойно стишки вымукивать.

«Пастух» – стражник, надёжный
и ловкий,
Ведь луг журнальный – его основа,
Он пасёт надежды подающие коровки,
И почтительно рад, если забредёт
именитая корова.

А если не породистая, но такая же
справная,
И даже голосистой выводит «му».

«Пастух» и с именитыми не может
справиться,
А тут ещё – совсем неизвестная никому.

И он давай её советами отпугивать:
«Побудьте в предлужье, отработайте звук,
Прислушивайтесь, как Марья Ивановна
мукает,
И приглядывайтесь, как она пережёвывает
траву».

Коровки, товарищи из предлужья голого,
Внимайте «пастуху», учиться учитесь,
Но не перековывайте своё горло,
Какое есть, таким и «мычите».

Поэт

Пусть лоб изморщинится,
 как стиральная доска,
Этого никогда не случится с душою,
Он и в сто лет будет искать
Что-нибудь необыкновенное и большое.

И даже когда вдруг явится смерть
С ржавой косою на плече,
Он не испугается даже в уме,
Волнения не выдаст ничем.

Возьмёт карандаш да потолще блокнот.
– Разбегайся, ангелочки и черти! –
Встанет сам и без понуканий пойдёт
На смерть впереди смерти.

Стерня строки

Стерня строки корява и упряма,
И не всегда по ней проходишь прямо.

Но с замиранием в груди,
Идёшь за тем, кто впереди.

Почти след в след. И всё ж, при этом,
Если ты рождён поэтом,

Не следуй слепо за творцом,
Останься со своим лицом.

Пусть не фотогеничным,
Зато родным и личным...

А то, что ноженьки поранишь —
Умнее станешь.

Ты написал стихотворение.
В нём рифма, ритм, и то и сё.
И ты стоишь со взором гения,
А это – далеко не всё.

Нужны и чувства, и умение,
И мысль никак не обойти...
В стихах должно быть напряжение,
Как в электрической сети.

Ничто унижить русского поэта,
Очень просто, вроде ерунды,
Двинуть в морду или лучше это —
Плюнуть в душу, мать его туды.

Чтобы он с душой интеллигента
Был, как собачонка, возле ног.
А иначе — траурная лента
И надгробный — вскладчину — венок.

Озарение

Сижу за письменным столом,
Унылым и скорбящим,
И только изредка орлом,
В небесах парящим.

Строчки строим не идут,
Нет и в рифмах лада,
И сиди над ними тут,
И сидишь – ведь надо.

Нет и нет. А тут, глядишь,
Будто озаренье –
Ты поднялся и паришь,
И легко паренье.

Как быстро мы спешим, друзья,
Оставить отчие пороги.
Нас манят синие края.
Нас тянут дальние дороги.

И мы уходим, мы уходим,
Ошибки старших повторяя,
Порой бывает, что находим
Лишь часть того, что мы теряем.

Но не в обиде мы на это,
Видать сильнее нет болезни,
Где даже мудрые советы
Соседей умных бесполезны.

Мне говорят: живёшь ты вздорно,
Ведь ты пойми, тебе не двадцать.
Согласен с ними я, бесспорно,
И как же мне не соглашаться,
Но вновь с мальчишеским задором
Готов идти и ошибаться!

Город Фрунзе

Киргизке

В белом платье, слегка серебристом,
Словно взятым у снежных гор,
Проплыла ты, как лебедь, близко,
Пряча свой черноокий взор.

Не клони ты так голову низко.
Разве в чём-то отличны мы?
Ну и что, что ты просто киргизка,
Я и сам по крови – калмык.

Иногда, понимаешь, мне снится:
Не берёзки, не тополя,
А летящая в степь кобылица
И наездник на ней – это я.

Солнце сесть мне на плечи хочет,
Протрубить чтоб зарю утра.
И, резвясь, мои ноздри щекочет
Горький запах полынных трав.

Ты поверь: в твоё щедрое солнце
Не влюбиться я просто не мог.
Посмотри, белозубо смеётся
И куда-то несётся, несётся
Ошалелый смешной стригунок.

Но Ваше имя ...

Первый букет

Девочка, совсем незнакомая,
Которой от роду годочков лишь восемь,
Подбежала и, словечки комкая,
Сказала: «Возьмите, мы просим».

Я удивился – нет ли подвоха,
Смотрит девочка, да нет же, нет,
Какая чудесная, милая кроха!
Какой невозможно красивый букет!

– А кто это мы? – спрашиваю её я.
Она отвечает, чуть выделив Шэ,-
– Это я и Зоя.
Моя сестрѐнка, помладше.

Невдалеке, совсем около,
Стоит такая же с пят до глаз.
Она повернулась почти боком,
Только взгляд лишь на нас.

– Возьмите, пожалуйста, мы будем рады.
Благодарить чем и как?
– А нам, дяденька, ничего не надо,
Мы – просто так.

Небо синее. Небо синее,
Как любимой моей глаза.
Над берёзами. Над осинами
Разыгралась зари гроза.

Голосую за них усердно,
За сиянье вот этих гроз,
Когда кровью зари, а не сердца
Обливают листву берёз.

Кто ты, звёздочка моя,
Неизвестная планета
Иль видение поэта,
Грань мечты и бытия?

Если счастлив и пою —
Шлю тебе любовь мою.
Если плачу и грущу —
В небе я тебя ищу.

Отыщу тебя глазами,
И напасти меркнут сами.

Люблю, что порхает, летает,
Щебечет и звонко поет —
Мне это и ухо ласкает,
И глазу отраду дает.

И лечит душевные травмы,
И в сердце привносит покой...
Давайте, присядем на травы —
Лужок здесь прекрасный какой!

Первые капли упали в траву,
Ветер слегка набежал,
Тополь, как руки, раскинул листву,
Чтобы его задержать.

Плачет берёзка, дрожит она,
Страшно ей перед грозой.
Чёрная туча с краями полна
Висит над её головой.

Желает берёзка, чтобы
Не слышать, как лес гудит,
И спрятал бы юноша-тополь
Её на своей груди.

Утренняя песня

Я встал на рассвете. Я вывел коня.
Как друг, он без слов понимает меня.
И вот я в седле. И пора бы уж в путь.
Только куда ж мне коня повернуть?

Неси меня, конь. Неси меня, конь.
Неси.
Куда? Я не знаю. Куда? Я не знаю.
А ты у солнца спроси.

Вдруг из степи прибежал ветерок.
Как ласковый и любопытный зверёк,
Немного со всеми вокруг поиграв,
Умчался обратно за волнами трав,

Неси меня, конь. Неси меня, конь.
Неси.
Куда? Я не знаю. Куда? Я не знаю.
А ты у ветра спроси.

В соседней станице отрада живёт.
Счастлив тот парень, кого она ждёт.
Только не мне это счастье, видать,
И слова при ней не могу я сказать,

Неси меня, конь. Неси меня, конь.

Неси.

Куда? Я не знаю. Куда? Я не знаю.

А ты у сердца спроси.

Я влюблён. Я влюблён.
Я и молод и силён.

Все – мне братья и друзья,
Вот такой счастливый я.

И я иду вдоль здания
На первое свидание

И всех, кого встречаю,
Совсем не замечаю...

Не сердитесь на меня,
Разве в том виновен я?

Ах, Лена. Леночка. Елена.
Я воздыхаю каждый миг.
И каждый миг попеременно
То я пою. То я поник.

Нет с сердцем никакого слада,
Совсем отбилося от рук.
Но ваше имя... Каждый звук
Ему – отрада.

У девчонки рыжие косички
Выглядывают из-под платка,
Словно два гриба-лисичка
Из-под берёзового листка.

Глядят оттуда, усмеваются,
Хоть стороной их обходи.
И под платочком вновь скрываются —
Вот, мол, попробуй-ка, найди!

Ну никакой меж ними разницы,
Как будто близнецы они.
Знать, потому мальчишкам дразнятся
И даже в негрибные дни.

Мне грустно, больно. Что такое?
Когда влюблённые идут,
Как будто бы они крадут
Частицу моего покоя.

Им хорошо. Им всюду рай.
Друг в друженьке души не чают
И темноты не замечают,
А тут хоть волком завывай.

Но, может быть, когда-нибудь и я
С подругою пройду павлином
И буду вид иметь от гордости орлиный,
И кто-то с завистью посмотрит на меня.

Вы вся приветная, изящная,
Сама принцесса настоящая,
К тому же пишете стихи,
И в общем, даже не плохи.

И, видимо, не зря ваш муж
На меня глядит, как уж
На мышку полевую,
Едва живую.

Ты была для меня ненаглядной,
А стала для всех – нарядной.

Ведь тот наряд, в каком идёшь к венцу,
Тебе и по фигуре, и к лицу.

Он оттеняет всё, что надлежит,
И что теперь е м у принадлежит.

Как будто совершили важный торг,
И все не в силах выразить восторг.

И в этой подвенечной упаковке
Уходишь в жёны, в матери, в золовки...

Куда же ты? Остановись! Постой!
Я тоже, вроде, парень холостой

Мы теперь далёко друг от друга,
Время есть подумать обо всём,
Севера неласковая вьюга
Набросала снегу под окном.

Жизнь ставит трудные задачи,
Нелегко бывает их решить,
Если не с кем беды и удачи
Поровну, как с другом, разделить.

Оттого и я в пустыне снежной
Об одном молю, чтоб не смогла
Облик ласковый, облик нежный
Застить в сердце холодная мгла.

Сыпь, берёзка, жёлтым снегом,
Засыпай кусты, дорожки,
Всё равно уж здесь не бегать
Тем любимым, милым ножкам.

Уж не будет их хозяйка
Нагибаться над цветками,
Не пойти ли мне, не взять-ка
Мне в карман с дороги камень.

Пусть холодным потом взмокну –
Он её целует с жаром.
Ну, взиграй, камень, по окнам,
Для неё ты – мой подарок.

Или я любил не очень,
Или я собой невидный,
Ну, смелей же, среди ночи
Всё равно ничто не видно.

Только мускулы, как вата,
Ни один не сжался в злости.
Знать, окно не виновато,
Не хозяйка и не гости.

Что ж, любовь – удел не многих,
Ты нашла и веселись.
Я уйду. Не все ж дороги
Под окном твоим сошлись.

Неужель я у судьбы в опале
И мне юность дадена зазря,
Не моя ли звёздочка упала,
Белой птицей перья растеряв?

Не моя ль последняя зарница
Свою кровь на тучку пролила,
И с небес неведомые лица
Плюют в моё. С какого ж это зла?

Что я сделал им, простой прохожий,
Как сонмище прошедших по земле,
Я мало доброго свершил, и всё же
Я никогда не помышлял о зле.

Нет ничего печальнее на свете,
Как говорить о холостом поэте.
Он хмур. Он мрачен. Он молчит.
Он весь неприбранный. Он тонок.
И лишь порою замычит,
Как потерявшийся телёнок.

Но вот когда поэт попьёт,
Но вот когда поэт поест,
Вот тогда-то он споёт
Хоть на весь мир,
Хоть на подъезд.

Резюме

Любите, девочки, поэтов,
Заместо «кефри» и котлетов,
Они подарят вам сонетов,
И посвящений, и приветов,
Весомей розовых букетов.

Не оттого ль, что моя кровь
Полна огня степных кочевий,
Хочу понять его значение,
Постигнуть таинство костров.

Хочу узнать я, почему,
Ведь он людей карал нередко,
И всё же именно ему
Поклонялись наши предки?

А мудрость тут невелика,
Она проста, как сруб колодца,
Ведь у костра всегда найдется
Приют, и горстка табака,
И слово, что в веках зачтётся.

**Любови Александровне (Любаше)
Сургут. Центр детского творчества**

Если грустно и ТД,
Прихожу я в ЦДТ.

Потому что в ЦДТ
Есть Любаша и ТД.

У Любаши в ЦДТ
Выпью чаю и ТД.

После чая и ТД
Всё прекрасно в ЦДТ.

И не только в ЦДТ,
Но и в мире и ТД.

Тамаре Александровне

Я дарю вам петушка,
Как надёжного дружка,
Кто в ненастье вас не бросит,
В счастье лишнего не спросит,
Жизнь отдаст за ваш покой,
Вот каков он, Петя мой.

Утром Петя-петушок
Свой расправит гребешок,
Крыльями захлопает,
Ножками затопаёт,
Запоёт: Ку-ка-ре-ку!
Guten Tag! Merci beaucoup!

Пожелание

Видно, так повелось уж исстари,
В человечесий войдя обиход,
Мы желаем друг другу искренне
Всего лучшего в Новый год.

Чтоб улыбчивым было небо.
Чтоб не ссорились люди Земли.
Чтоб хватало тепла и хлеба.
Хорошо бы ещё - любви.

И чтоб дети не знали сиротства.
И чтоб старость была свята.
И чтоб были в цене благородство,
Добродетели и простота.

И, однако, сегодня только
Я желаю всего сильнее —
Чтобы в каждой семье была ёлка
И горели б огни на ней.

Он говорил. Она молчала.
Ни слова. Ни слезы из глаз.
Мол, жить теперь начнёт сначала.
Мол, было всё в последний раз.

Ведь им любовь-то не пропита.
Да и не связан он ни с кем.
Ну, пусть посуда перебита,
Так можно склеить...

А зачем?

Заросла тропа к реке травой и талом.
Стало некому по той тропе ходить,
– Не ищи со мною встреч, – ты мне сказала.
– Нам другой тропы теперь не проторить.

Ты ушла. И речка сразу обмелела.
Опечалилась, утратив будто речь.
Ты ушла. И я, как дом осиротелый,
Кого согреть мне? И кого сберечь?

Ну так что ж, иди спокойно и навечно.
Я звать не стану и ни в чём не укорю.
Я просто выйду себе на берег под вечер
И под берёзкой нашей молча постою.

Вас муж оставил,
Да, досадно.
Вздохните и скажите:
– Ладно!

Будь счастлив,
Милый муженёк,
Любовью мнимой
На денёк.

И мне приметился
Барашек,
Весь до копытцев
Из кудряшек...

А разве сложная
Штуковина –
Перековать барана
В Овена?

Не грусти, что кончается лето,
Что всё чаще дожди и дожди,
Есть ведь что-то такое и в этом,
Ты внимательней лишь погляди.

В кудрях берёз я замечаю проседь,
И оттого они ещё родней.
Уже не лето, но ещё не осень,
И впереди немало тёплых дней.

Костяника

Костяника, ягода лесная,
Я другой такой, как ты, не знаю.

Вот в бору, в низиночке, где сырость,
Вырезным ты листиком прикрылась.

Будто я пройду и не замечу,
Добрый день, красавица, со встречей!

А кругом ковёр от ягод разных:
Жёлтых, синих, алых, чёрных, красных.

Среди них тебя совсем немного,
Северная наша недотрога.

Но вкуснее нет тебя на свете,
И об этом знают даже дети.

Поднялись и скрылись птицы-лебеди
В беспредельных далях синевы,
Но звенит ещё по-прежнему их в небе
«динь»
С тихим шелестом кружащейся листвы.

Эту пору я люблю прощальную,
Нежной грустью дышит грудь моя.
Скоро, скоро шалью почивальной
Подвяжется старушка земля.

Улетают птицы. Улетайте,
Пусть светит вам надежная звезда.
Только там, вдали, не забывайте
Своего родимого гнезда.

И пускай под тёплым солнцем юга
Вам приснится, как бы невзначай,
И печаль оставленного друга,
И озёр заснеженных печаль.

Какие ветры всполошились!
Какого пепла нанесли!
Должно быть, где-то письма жгли,
Что сбросить так и не решились.

Я пепла горсть с земли поднял,
Под фонарём над ним нагнулся,
Взглянул и тотчас содрогнулся —
Ну да, конечно, так и знал.

Как свято верить вы могли.
Дурак, я думал, вы забыли.
И вы за всё меня простили
По-женски. Просто. Как смогли.

Я не знаю, не знаю, не знаю,
Что со мной, что со мной, что со мной,
Видно, жизнь моя молодая
Незаметно прошла стороной.

Скоро, скоро мне стукнет тридцать.
Скоро солнце пойдет на закат.
Толи с жизнью еще порядиться
И побиться с судьбой об заклад.

Ведь и сердце совсем не остыло,
И глаза могут снова расцвести.
Иль оставить все так, как было,
Принимая все так, как есть.

С добрым утром

Здравствуй, поле русское,
Ячмени да рожь!
По тропинке узенькой
Далеко уйдёшь.

Встанешь вдруг, осмотришься —
Тишь и благодать.
Ближние околицы
Даже не видать.

Охватил всю душу
Чувственный прибой.
Жаворонком взвилась
Песня над тобой.

Запевают птицы.
Подпевает рожь.
Где ещё такое
На земле найдёшь?

И куда ни взглянешь —
Взора не отнять.
Как свою любимую
Всё готов обнять.

И одно лишь хочется
В этот миг тебе:
Так идти, идти бы
И всё петь бы, петь!

Перрон. Шумиха. Расставание.
Ну что молчу? Чего боюсь?
В душе такое состояние,
Как будто с жизнью расстаюсь.

Ещё не всё. Ещё не поздно,
Лишь слово вымолвить одно.
Нетерпеливо смотрит поезд,
Ему ведь это всё равно.

А ночь-то! Ночь! В такие ночи
Творятся в мире чудеса.
Сказать о самом главном хочешь,
А говоришь про адреса.

Зелёный свет. Гудок. Прощание.
Что не успели – не успеть.
И между нами расстояние,
А как его преодолеть?

Встреча

Не может быть. Не может быть.
Она, та самая девчушка,
Как леса тихая речушка,
Из тени вылилась на свет,
И это через столько лет!

Как шла она. Как улыбалась
Улыбкой своей молодой...
Ах, лучше б она оставалась
Маленькой девочкой той.

И я-то при всём-то народе
Вдруг принял влюбленного вид,
Ведь я не люблю её, вроде,
А всё-таки сердце болит.

Меня никто, никто меня не любит,
Я это понимаю, сердцу больно так,
Лишь только роща всё ёще голубит,
Да и то, наверно, кое-как.

Чем я хуже всех парней-счастливицев,
Иль в глазах не искрится огонь,
Или очень мал и круглолицый,
И так хил, рассыплюсь, только тронь.

Ходят парочки. И каждая счастливая,
Только я – ненужная трава,
Девушка, пусть ты и некрасивая,
Улыбнись мне хоть разочка два.

Улыбнись, и большего не надо,
И лети себе опять в любви голубизну.
И за эту, мне подаренную радость,
Я, как пёсик, ручку Вам лизну.

А девушка проходит стороною,
В сапожках лаковых неспешно семеня.
За что так, жизнь, ты обошлась со мною?
Я – грешный, пожалей меня.

Он Вас любил. И Вы, признайтесь,
Немножко были влюблены.
Но, ради Бога, не терзайтесь –
Нет Вашей ни на чём вины.

Вы далеко. И сам он где-то.
А ведь, казалось, счастье было.

.....

Вы сердце разбили поэта,
Так хоть промокните чернила.

к Т.

Я уезжаю. Мне не жаль
Вот эту жизнь сменить на жизнь иную,
В моей груди одна печаль,
Она одна меня волнует.

Я оставляю здесь окно
И рядом тихую дорожку,
Ведь мне они не всё равно,
Пускай не очень, пусть немножко.

Я каждый вечер там бродил,
Заметила ли ты? Едва ли.
Я молча с ними говорил,
И мы друг друга понимали.

О чём они могли сказать,
Людская речь для них не в силе.
О, если б мог я передать,
Как мне тебя они хвалили.

Да я и сам-то не без глаз,
Но с мыслью о разлуке сжился.
Решался было столько раз
И до сих пор вот не решился.

Осенний день. Осенние печали,
Жухлый лист трепещет на ветру,
А кажется, ещё вчера встречали
Ледоход на взгорбленном яру.

Ещё вчера мы любовались солнцем,
Забыв года, как дети, в ясный день.
Сегодня дождь, как будто слёзы, льётся
На крыши городов и деревень.

Печально в поле. Лес ворчлив, как бабка,
Ни пенья птиц. Ни треньканья цикад.
На брови глубже меховую шапку
Нахлобучил кедр – великан.

Но и всё же, сколько теплоты
В этой грусти и вот в этом плаче.
Если к ним не безразличен ты,
В твоей жизни они что-то значат.

Осенний вальс

Ах, эта осень!
Как воздух чист!
И неба просинь,
И желтый лист.

В тени аллеи
Идем вдвоем.
Закат алеет
И мы поем:

Ах, осень, осень,
Тебя мы просим
Не поспешать наш прощаний час,
Пусть нас сентябрь
Листвой заносит,
Они как письма твои для нас.

Лишь звездный бисер
Рассыпет ночь,
С охапкой писем
Уходим прочь.

И в зимний вечер
В тиши вдвоём
Зажжем все свечи
И их прочтём.

Ах, осень, осень,
Тебя мы просим
Не поспешать наш прощаний час,
Пусть нас сентябрь
Листвой заносит,
Они как письма твои для нас.

Листопад

Листопад на дворе. Листопад.
Вот и осень как будто настала.
Я брожу сам с собой наугад
Там, где лето недавно гуляло.

Где ромашки беспечно цвели
И стрекозы над ними летали,
Тянет прелой листвой от земли,
Исквозят потускневшие дали.

Значит, скоро заплачут дожди
И наступит сплошное мученье.
И от этого смутно в груди,
А в душе всё равно – просветленье.

Осенняя заря

Вчера. Совсем ещё вчера
Берёзки беззаботны были.
Они с утра и до утра
Петь песни с птицами любили,
Но вот и осени пора.

Едва осенняя заря
Край неба крыльями задела,
Берёзки ахнули, друг дружке говоря:
– Подружка, милая, о как ты поседела!
А я? Скажи, а я?

Ветер. Ветер. Я вижу. Я вижу,
Состоянье какое твоё.
Я и просьбой тебя не унижу,
Если всё ж попрошу за неё.

Не вплетай эту нить паутины
В её трепетный локон волос.
Не гони без особой причины
Вдоль дороги ненужный хаос.

Видишь, птицы тревожно махают,
Будто скажут нам вдруг: «До весны!»
А вон рощи с тоской отряхают
Предсентябрьский дождь желтизны.

И хотя бы на миг, из величия,
Ты как будто устань и усни
И надежду на счастье девичье
В её сердце ничем не вспугни.

О, как давно в родных краях я не был,
И вот приехал, чтоб держать ответ
Перед полями, перед ясным небом,
Пред всем, где мой хранится легкий след.

На перекрёстке я схожу с машины,
Дорога вправо, я иду по ней.
Кивают мне знакомые лесины,
Трещат кузнечики оркестром звонких
флейт.

Как всё знакомо – сердце замирает.
А сколько нового, что слов мне не найти.
Вот поле кончилось. Дорога в лог ныряет,
Луга за ним, а там уж час пути.

И ни бугров, ни ям не различая,
Бегу быстрее, чем в свои пять за стол...
Деревня, словно мать, меня встречает,
Смущенно руки вытрев о подол.

Видно, так было нужно кому-то
Познакомить нас невзначай?
Не успели сказать «С добрым утром!»
А уже говорим «Прощай!».

Ты явилась незванно, непрошено,
Как-то сразу, негаданно, вдруг.
Мало в жизни встречал я хорошего,
Да и то выпадало из рук.

Видно, так мне судьбой наказано:
И встречать, и терять невзначай.
Ну прощай же, моя недосказанная,
Недомолвленная, прощай!

В семье рабочих

Был труд тяжеле, чем оковы,
Ещё несносней – барский гнёт,
Покуда ленинское слово
Не указало путь вперёд.

И не было хмельнее пира
И веселее тех поминок,
Когда лицом к лицу два мира
Сошлись на смертный поединок.

Народ – строитель по натуре
И вот, лопаты взяв на плечи,
Пошёл зажечь огни Шатуры
И растопить Магнитки печи.

Он на Амур ходил дремучий
И вёл ТуркСиб в степи безводной.
Но над страной собрались тучи,
И яро вспыхнул гнев народный.

Опять в руках его винтовка,
И долог путь его к победе.
Прости, страна, за остановку –
Ты всех милей ему на свете.

И он прошёл огни и воды,
И вынес всё, и не согнулся,
Как вестник мира и свободы,
И, победив, домой вернулся.

И вновь он плавит, сеет, роет
И перевозит грузов груды —
Страна озоном новостроек
Дышит молодо всей грудью.

И мы из этой же породы,
И стать крепка, и ясны лица,
И есть, и есть за что народу
Своими внуками гордиться.

Я с детства рос в семье рабочей.
И с детства раз и навсегда
Не как-нибудь, не между прочим
Я полюбил людей труда.

Пусть их на стендах нет – неважно,
Но каждый – истинный герой.
И в своё время я отважно
Встал рядом с ними в тесный строй.

Бывало так, что и на небо
Мы не могли взглянуть подчас,
Но труд – не только добыванье хлеба,
Труд личность делает из нас.

Ночная вахта

Идёт бурение. Беззлобно
Ворчат о чём-то дизеля,
Кругом, медведице подобно,
Блаженствует во сне земля.

Смотрю с полати верхового,
Как начинается рассвет,
И ничего ещё такого
В моей душе пока что нет.

Я просто молод. Я при деле.
Я что-то значу в мире сем.
И день грядущий, в самом деле,
Меня тревожит не совсем.

Верховой

Он наверху. Он верховой.
Над нами, так сказать, приподнят.
А мы внизу. Здесь, боже мой,
Грохочет, словно в преисподней.

Он, как архангел, смотрит вниз
И джутовой верёвкой вертит:
А ну, мол, черти, шевелись!
Да поживей, коли вы черти.

И мы шевелимся, ей-ей,
Не потому, что больно строгий.
Он наверху. Ему видней,
Где там у нас конец «дороги».

На буровой

Так, как спится под утро,
Знает только Земля.
Вот я слышу, как будто
Мне поют дизеля.

Про далёкую область,
Где я рос, где любил.
Как серебряный облас,
Месяц по небу плыл.

Плыл легко и неспешно
И куда-то маня.

.....

Словно правит безгрешный
И спасает меня.

Комары-комарики.
Звёзды, как фонарики...
У костра сидят, поют
Геологи-сударики.

Бороды у них не бриты.
Животы у них не сыты.
Но зато их голоса,
Словно птицы, в небеса
Улетают-улетают,
И в пространстве звёздном тают.

Что им дома не сидится?
Что им путь к открытию снится?
Горы все давно изрыты,
Все сокровища открыты
И даны им имена.
То романтика – она!

То она зовёт в дорогу
И бойца и недотрогу,
И студента, и поэта
Побродить по краю света.

Даже академики
Обновляют рюкзаки.

Там сбивал и ноги я,
Это – г-е-о-л-о-г-и-я!

Комары-комарики.
Звёзды, как фонарики.
У костра сидят, поют
Геологи-сударики.

В рабочей столовой

Воробьи залетели в столовую
И ведут теперь жизнь здоровую.

Много ль надо замёрзнувшей птахе?
Крошку хлеба с замызганной плахи.

Каплю влаги, не боле, как есть,
Да уступ, где бы можно присесть.

Ведь за окнами снег и мороз,
Вот попробуй-ка высунуть нос.
То бишь клюв.

Ну а то, что заевшийся кот
Зазевавшимся хвост оборвёт,

Что ж, за то здесь тепло и уют
И о том они громко поют.

И рабочие их понимают
И поесть кое-что оставляют.

Тюмень – Нижневартовск

Марине Кузмичёвой,

7-й класс, Мостоотряд № 29,

Сургут. Февраль 1974 г.

Белый иней повис на соснах,
В небе синем зажглась звезда.
Скоро здесь застучат колёса,
Скоро здесь побегут поезда.

Новостройка Тюмень–Нижневартовск
Сблизит, словно родню, города.
И вагонов стальные нарты
Вас в Сургут домчат без труда.

Помню первую нашу победу
И ликующий город Тобольск,
И неистово: Едут! Едут! –
Трепетало, как флаг, над толпой.

И в газетах событием этим
Было занято много страниц,
И светились тогда газеты
От улыбок счастливых лиц.

График выверен – дни и недели,
И задача ребятам ясна...
Из-за старой косматой ели
Выплывает лодка-луна.

Не могу не петь хвалу Сибири.
Пусть мои способности скромны.
Как не петь, коль нет и в целом мире
На неё похожей стороны.

По тем снегам, когда уж враг кровавый
Над Москвой сжимал свои клыки,
Они прошли. Себя покрыли славой
Твои, Сибирь, железные полки.

И вся ты, от Камчатки и Урала,
Алтайских гор и ледяных морей,
Ни днём ни ночью отдыха не знала.
Растила хлеб. Оружие ковала.
И провожала в битву сыновей.

Никто не мог назвать тебя скаредной.
Ты всем делилась: кровом и едой.
Всё-всё отдав за светлый миг победный,
За славный Май – за праздник золотой.

И вот мы снова сеем. Плавим. Роем.

И перевозим грузов груды.

Страна озоном новостроек

Дышит молодо, всей грудью.

И глядя на такое обновление,

Нас берёт невольно удивление.

Удивляюсь малышу в коляске,

Воробьям, возящимся в пыли...

Сколько звуков чистых! Сколько краски!

Всё – стихи! Записывай. Бери!

Я хожу не чьей-нибудь походкой,

И не так, чтобы кому во зло.

Я давно себе усвоил чётко:

Может быть, Сибирь кому и тётка,

Мне же – Мать! И с ней мне повезло!

И я сыновний долг не забываю,

И иначе не мыслю жизнь мою.

Бурю на нефть. Об этом песнь слагаю

И в полный голос радостно пою!

Непогода

Что-то нынче с погодой, никак не понять,
Видно, спутники в небе нагнали испугу.
Но опять и опять, но опять и опять
С неба сыпят дожди, заливая округу.

Погниют на корню и редис и морковь,
И пшеницу за золото купим в Канаде.
От таких шепоточков не токмо что кровь,
Даже камень свернётся, как лист,
по команде.

Неужели и впрямь над Отчизной моей
Нависает, как рок, безысходное горе?
Я, подняв воротник, уйду от людей,
Чтобы это не слышать, за речку, за город.

Там брожу в тишине одинокий, как бог,
А вокруг, а вокруг, сомневаясь в прогнозах,
Вдоль низин, и ручьёв, и обочин дорог
Зацветает шиповник – брат розы.

Нет. Недолго осталось дождю поливать,
Вон природа уже примеряет обновку.
Веселее, друзья, ни к чему унывать,
Мы ещё погрызём и редис и морковку.

Нелётная погода

Ты смотришь в окно, мой добрый малыш,
Чтоб мамка подчас твоих слёз не увидела.

Ну что же молчишь ты?

Ну что же молчишь?

Прости, что невольно обидел я.

А вьюга беснуется, в соснах трубя,

Такое вот, брат, невезение,

Ведь я обещал поздравить тебя

С днём твоего рождения.

Не хмурься, дружище, ребят позови,

Школьных своих товарищей.

И если кто спросит, ты не таи —

Они народ понимающий.

Есть и у вьюги где-то причал,

Заветные окна манящие.

Я нефть привезу тебе, как обещал,

Самую настоящую.

А вьюга беснуется, в соснах трубя,

Такое вот, брат, невезение,

Ведь я обещал поздравить тебя

С днём твоего рождения.

Уходят годы потихоньку,
И мы стареем полегоньку.
Чего рядить тут, то да сё,
Ваш возраст, разве это всё?

Вам отпускалось полной мерой
Волнений горьких и хлопот,
Но жили вы со светлой верой
В добро. В отзывчивость. В народ.

Какие зори отпылали!
Такие воды утекли!
А вы? Другими вы не стали.
Не захотели. Не смогли.

Когда невмочь – вы за работу,
А коли праздник – с песней в пляс.
И жизнь вся прошла в заботах,
А не в точенье праздных ляс.

Ваш дух крепчал под грохот тыла,
Но это юным не в упрёк,
Ведь то что было – это было,
А то что будет – кой-то срок.

Ветеран

Он был весёлый старикан,
Хотя рукой подать до пенсии.
– Ну что ж, давай и мне стакан.
Какая песня!

Он воевал, награды есть.
А не услышишь, как ни бейся.
Лишь молодецки вспыхнет весь.
– Да, песня, песня.

И он больниц не признавал.
Он был матёрый работяга.
И словно старая коняга,
На равных с нами «шуровал».

Случалось, дома жизни нет
И на работе – хоть убейся,
А у него один ответ:
– Такая песня.

Но вот однажды не пришёл.
Не поздоровался с бригадой.
И каждый понял вдруг душой,
Что ждать его уже не надо.

Живя, он пел хоть раз? Едва!
Мне не припомнится, хоть тресни.
А жизнь прожил, как будто песню
Пропел... И позабыл слова.

От нас уходят ветераны,
Уходят братья и отцы,
Болят их пулевые раны
И ноют рваные рубцы.

Они поблажек не просили
За совершённый подвиг свой,
А честно, как сыны России,
Гордились выпавшей судьбой.

И так работали, как надо,
И у станков, и у земли,
И там, где ратные награды,
Награды мирные легли.

Но часто-часто среди досуга
Тугая боль ударит в грудь,
И, может, первый раз без друга
Уходят в свой последний путь.

Хоть военком, войны не знавший,
Их списки свято бережёт...
И каждая утрата жжёт
И сердце самое, как павший.

О, обновление души!
О, жар почти остывшей речи!
Когда в затерянной глуши
Вдруг земляка случайно встретишь.

Сначала слово, два, потом,
Потом объятья и, как другу,
Трясёшь протянутую руку,
Хоть с ним и вовсе не знаком,

И столько тут воспоминаний
Наперебой, как у детей,
И замираешь от названий
Знакомых улиц, площадей.

Ты там родился. Там ты рос.
Там столько было пережито.
И горечь юношеских слёз
В ночи над книгою раскрытой.

И первый робкий поцелуй,
Как откровение земное.
О, память юности, волнуй
В нас этот миг и не давай покоя!

Чтобы уснувшая мечта
В душе остывшей вдруг ожила.
Чтобы земная красота
Нас вновь собой заворожила.

И чтобы жизнь, как борьбу,
Душой окрепшей принимали,
И никого не проклинали
За неудачную судьбу.

По весне за тёплыми ветрами
Сюда спешат со всех концов страны
Романтики с большими рюкзаками –
Охотники до новизны.

Они летят. Плывут. Стучат по рельсам.
«Ужо, тайга, тебе ли устоять!»
Им надо позарез, ну хоть убейся,
Но непременно, чтобы покорять.

И день и ночь с завидным постоянством
Напропалую ломаются... и там
Зияют безобразные пространства,
Природа-мать, ты всё прощаешь нам.

Но вот когда вдруг Сиверко потянет,
И поседеет Обь белым-бела,
Останутся здесь только сургутяне
Делать свои будние дела.

Кто я сегодня, герой или прохвост,
Лицо моё, как солнце, или вида ил,
Может, я у коровы-станка оставил хвост,
А остальное до копытца выдоил?

И сам я не думал, что так получится,
Об этом не мечтала моя голова.
Зря, наверно, к 200 % в попутчики
Приставили, как стражников,
ненужные слова.

Теперь вот креплюсь, нажимать,
нажимать,
Как говорится, на полную железку,
Сосед заботлив, как нежная мать,
Предостерегает: пупочек развяжется,
дескать.

Товарищ, не надо, не стоит бояться,
Не тебе же в больницу тащить меня
волоком,
А если пупок и вздумает развязаться,
Так я замотаю проволокой.

Не люблю ребят спесивых,
Разнаряженных, чванливых.

Всем, кажись, хороший парень —
И в лицо пошёл, и стать,
Но как будто бы ударен.
Сразу чем — не отгадать.

А ударен он тряпицей
С этикеткой «made in».
Ох, уж эта заграница.
Ах, наш юный гражданин.

Весь в заклёпках и замочках,
Весь в накладках, так и сяк,
Словно некий гусь заморский,
А не свой, родной русак.

И ведь есть в родне примеры,
И ведь чувствуешь помол.
И ходил же в пионерах.
Принимался в комсомол.

И не знает он, бедняжка,
Что его вина вся в том,
Что отец ходил в подтяжках,
Когда надо бы с ремнём!

Срочный заказ

Всё. Усталое тело
Всунули в телогрейки,
Слипаются веки глаз.
– Ребята, подождите,
Такое дело –
Срочный заказ.
Мастер сказал нам – надо,
Приказывать не могу.
Не обещаю награды,
Не обещаю отгул.
Без митинга.
Мы молчали,
Но домой не ушёл ни один,
Мы снова станки включали:
Если надо – дадим!
Снова молот грохочет,
Режут резцы металл...
Где-то глубокой ночью
Цех наш вздохнул и встал.
И хоть в каждом мускуле ныло
У нас после смены такой,
Но как хорошо нам было
Идти не спеша домой.

Слава труду!

Всё ярче горит над страной Октября
Алых знамён молодая заря.

На алых знамёнах народы прочтут:

Мир!

Май!

Труд!

Нет краше на свете Советской земли.

Нет лучше людей, что её сберегли.

За детство своё, за рассвет голубой –

Спасибо Отчизне родной!

По небу высоко летит самолёт,

Ведёт его смело отважный пилот.

И днём он летит, и летит среди ночи,

А самолёт этот сделал

Рабочий!

В бескрайних полях убирают пшеницу,

Хлеб нужен заводам. Хлеб нужен столице.

А кто же вставал в предрассветные рани,

И землю вспахал и посеял –

Крестьянин!

Пускай за окошком метели метут,
В просторной квартире тепло и уют,
И рад ей всех больше маленький житель,
А дом этот светлый построил –
Строитель!

Всё на земле создаётся трудом:
И самолёты.
И хлеб.
И наш дом.
Всё, что так близко и дорого нам.
Слава рабочим рукам!

Земля каргасокская

Над нами флаг родной российский реет.
Над нами солнце Родины встаёт.
И Каргасок растёт и хорошеет,
И воды Обь могучая несёт.

Россия! Россия!
Нет тебя в мире красивей.
От моря до моря,
От края до края
Ты русскому сердцу – родная.

Вам каждый житель с гордостью ответит,
Своей любви к Сибири не тая,
Что нет другой такой земли на свете,
Как наша каргасокская земля.

Ты и щедра, и в щедрости богата,
И нам навеки с детства дорога –
Твои восходы и твои закаты,
Твои дожди и все твои снега.

Мы труд нефтяников и чтим, и привечаем.
И вновь, и вновь открытий славных ждём.
И матушкой тебя мы величаем,
И наши песни о тебе поём.

Россия! Россия!
Нет тебя в мире красивей.
От моря до моря,
От края до края
Ты русскому сердцу – родная.

Я, как тысячи, простой рабочий,
Рядовой, из самых рядовых,
И я люблю мой труд ворочать,
И «прижимать» передовых.

И это имя берегу я свято,
Его не запятнаю, не затру.
Мужчину каждого я чту, как брата,
А женщину – как добрую сестру.

Я не желаю видеться другим.
Поэт-рабочий, это не смущает.
Товарищам, как самым дорогим,
Свои стихи я посвящаю.

У солдатского обелиска

Отец, пойдём! Над мамой нашей сжался.
Она ведь ждёт тебя. Ты слышишь, папа,
ждёт.

Ты скажешь ей, на службе задержался.
Она хорошая. Она поймёт.

Пойдём. Пойдём. Подай мне свою руку.
Здесь холодно и можешь ты простыть.
Порадуешься маленькому внуку,
Он у нас, ты знаешь, богатырь.

Ну что же ты не поднимаешь веки?
Ты взгляни, ведь рядом сын стоит.

.....

Не сойдёт в наш мир солдат вовеки
Его здесь пост. Он весь одет в гранит.

На могиле матери трава густа.
Над могилой матери высота чиста.
Над могилой матери березка шумит.
У могилы матери сын стоит.

— Здравствуй, мама-мамочка, —
шепчет он слова.

За оградку падает желтая листва.
— Ты ушла, а сыну некому помочь.
А у сына волосы, как лунная ночь.

Уходят поезда на юг.
Самолёты курс берут на север.
Где же ты, мой давний школьный друг,
Варишь сталь или пшеницу сеешь?

В аудиторию спешишь,
Или в маршрут уходишь дальний,
Или в тайге, где ширь и тишь,
Творишь гигант индустриальный?

Дружище, я всегда с тобой,
Один нам в жизни жребий выпал.
Нам не уйти с передовой,
Хоть мирный мы ведём, но бой,
Не зря же мы – военный выпуск.

Улица Ленина

Из поколения в поколение
Мы шагали по улице Ленина,

И были мы все пролетарии,
И как будто над ней пролетали мы.

И знамёна несли с транспарантами,
Мол, прикроем буржуйам-то кранты мы...

Если б знали, кричали бы пуще мы,
Вот буржуи в страну и напущены.

Рабочий класс

Рабочий класс, ты весь в труде.
Все-все до одного.
Рабочий класс, ты весь в беде
Бесправья своего.

Рабочий класс, ты гегемон
Ещё недавно был,
А нынче действует закон,
И ты ушёл в распыл.

Рабочий класс, в своей судьбе
Ты сам себе один.
Работодатель твой тебе
И царь, и господин.

Таких хозяев поискать,
Их сила велика.
Захочет – может обласкать.
Захочет – даст пинка.

А ты молчишь. Тебя – нигде,
Ни дел твоих, ни глас.
Рабочий класс, ау, ты где?
Ты где, рабочий класс?..

Не слышно. Не видно.
Обидно.

Когда от лап рубля освободится труд,
О матушка земля, что совершится тут!

Вчерашний бюрократ,
Сквалыга, эгоист,
Вдруг станет всем, как брат,
Душой и сердцем чист.

Он всё своё добро,
Что смог в «трудах» нажить,
Сумеет без УГРО
На общий стол сложить...

Развеяв наши в том сомнения,
За просто так. За убеждения.

И мы поймём: есть в людях доброта
Не олигархов нынешних, а та...

Когда не конкуренты мы друг другу,
А, соревнуясь, подаём друг другу руку.

Когда природа и её богатства
Служить нам будут, укрепляя братство.

Когда вернутся снова в обиход
Взамен господ – товарищ,
Электорат – народ.

Тогда в почёте снова станет труд.
А «этих дел»* исчезнет кутерьма.
Талантища какие расцветут!
Какие вспыхнут факелы ума!

.....

А впрочем, это я рассказываю басни,
Поскольку рубль – брат тому,
кто позубастей.

* Коррупция, взяточничество, откаты и т. д.

Млануда

Всё ниже звёзды в ночь.
А солнце днём всё выше.
Ах, весна, давай с тобой споём.
Воробей и то такое выжал,
Хоть отродясь не звался соловьём.

Он в этот час природы пробужденья
Так прекрасен. Ну вот хоть убей –
Слушаю с огромным наслаждением,
Как выводит трели воробей...

Может быть, он оттого и дорог,
Оттого и песнь его ясна –
Прочирикает нам разов до сорок,
Что идёт из-за моря весна.

Весенний этюд

Поют скворцы. Поют скворцы
О том, какие молодцы,
Что всё преодолели
И всё же долетели.

Теперь на ветках тополей
Они на роли королей.
А там, внизу, как в партере,
Воробьи за партами.

Но и у них насчёт гостей
Есть кое-что из новостей,
Поют минутку улучив:
— Чив-Чив! Чив-Чив!
Чив-Чив! Чив-Чив!

Какая погода. Какая погода.
Какая погода стоит.
И много. И много. И много народа
К себе в выходные манит.

Манит из-за форточек. Из занавесок.
Из окон трамвайных манит
Туда, где ромашки. Туда, где подлесок.
Где речка течёт, как магнит.

Мы там погуляем. Мы там поныряем.
Мы там просто так полежим.
И словно случайно отрадно узнаем,
К чему мы принадлежим.

Родник

У подножья бьёт родник студёный,
Всегда журчит он летом и зимой,
К нему приходит путник утомленный,
Водой прохладной утоляет зной.

Присядет он на корточки над ним
И ковшиком ладони подставляет.
Поёт родник, и голосом своим
Он путников усталых подзывает.

Приходит всяк, чтоб пригоршню испить,
Испив её, он вмиг бодрее станет.
Журчит родник – серебряная нить
И никогда журчать не перестанет.

С ночевой

Видать, последний чебачок
На мой позарился крючок.
И сколько я ни ухитрялся,
Всё как отрезало – молчок.

Ко мне приехал старший брат.
Я встрече был ужасно рад.

Мы с ним не виделись давно
И порыбачить заодно.
Хоть в Томске тоже рыба есть,
Но та – совсем не та, что здесь.

И вот мы оба с ночевой
Сидим у речки Моховой.
Дымит костёрчик понемногу
И отгоняет комаров.

Мой брат соорудил треногу,
Под котелок подложил дров –
И благодать. Когда придётся
Опять собраться нам вдвоём.

Сибирь! Какой не отзовётся
При гордом имени твоём!

Возьми и сердце без возврата.
Ты мне навеки дорога.
Твои восходы и закаты.
Твои дожди, твои снега.

Твои урманы вековые.
Весенние разливы рек.
Твои сокровища земные.
И главное – твой человек.

И я, сложивший эти строки,
Не кто-нибудь. Не с печки-бряк.
Твоих работ размах широкий
Люблю как сын, как сибиряк.

Вот котелок запел, заухал.
– Ну, что там, доставай, братуха!
И мы, не тратя лишних слов,
Взялись за ложки – будь здоров!

Что есть уютней костерка?
Что есть вкусней – из котелка?
И уха была неплоха,
Ну, а чай – хоть по отчеству величай!

Вечер на покосе

Тёплое и тяжёлое августовское небо,
Всё в звёздах лежало над покосом
и над рекой,
Как ломоть свежеиспечённого ржаного
хлеба,
Круто посоленного мамкиной рукой.

Я когда-то держал его в ларце моих
ладошек.
И не знал, что с ним делать и куда
его деть.
Поделиться с друзьями? Отломить ли
немножко?
Или, может, припрятать на чёрный день?

А теперь не испечь моей матери хлеба.
Что когда-то пекла она под выходной,
Как кристаллики соли, звёзды падают
с неба,
Словно всё-то держу я тот ломтик
ржаной.

Убирают хлеб комбайны,
Словно по морю плывут.
А берёзки, как для тайны,
Комбайнёров в тень зовут.

Золотой и изумрудный –
Принимай его, страна,
То итог наш многотрудный,
Дней без отдыха и сна.

Мне приятны эти лица.
Бодрый оклик: «Не зевай!»
И идёт, идёт пшеница
В наш российский каравай!

Ах ты, осень, ты так обманчива,
Я-то думал: зима совсем!
А сегодня дела заворачивать
Стало солнце нам в радость всем.

И вчера побелённые рощи
Нынче снова стоят в парчах..
Сколько светлой, весёлой мощи
У тебя на твоих плечах!...

Запоздалое бабье лето
Опрокинуло краски дня.
Всё равно ей спасибо за это
И за то, что волнует меня.

Во дворе мы саженцы садили,
И выбрал я себе рябины куст,
А к осени малютки народились
Ну до чего кислоющие на вкус.

Их подсластит морозец, я-то знаю,
И в декабре, когда шумит метель,
Над городом случайно пролетая,
Их приглядят снегирь и свиристель.

Они с небес однажды утором рано
Опустятся, как в цирке циркачи,
На них сапожки будут из сафьяна
И яркие рубахи из парчи.

Они склюют по ягодке для пробы,
И по второй, распробовав, склюют,
И запоют, и затанцуют оба,
И всех своих подружек созовут.

И малыши без всяких там билетов
Придут послушать их и поглядеть,
И о том, что миновало лето,
Не так, как прежде, станут сожалеть.

Вот-вот прольётся дождь огней.
Вот-вот содвинутся бокалы
За доброту минувших дней,
За предстоящие начала.

И помня русский наш обряд,
Обряд хороший, человеческий,
Я вас поздравить очень рад
И пожелать вам в этот вечер.

Чтоб добрый Дедушка Мороз,
Несущий радость всему миру,
Своим вниманьем не обнёс
И вашу скромную квартиру.

Я знаю: он не обнесёт,
Он добрый, милый стариканчик,
И обязательно зайдёт
За счастье осушить стаканчик.

И вы вина не пожалейте,
Уж вы в стаканчик старика
Полнее лейте, лейте, лейте —
У старых лёгкая рука.

Видно так повелось уж исстари,
В человечесий войдя обиход,
Мы желаем друг другу искренне
Всего лучшего в Новый год.

Чтоб улыбчивым было небо,
Чтоб не ссорились люди Земли,
Чтоб хватало тепла и хлеба,
Хорошо бы ещё – любви.

И чтоб дети не знали сиротства,
И чтоб старость была свята,
И чтоб были в цене благородство,
Добродетели и простота.

Я в следах зверья не разбираюсь,
Мало ли кто шёл здесь или прыгал?
Может, плача, брёл трусишка-заяц,
Кралась лиса иль рыскал волк-расстрига.

Я иду, взирая на округу,
На берёзы встречные и ёлки,
Никому в лесу не будет туго
От моей задрипанной двустволки.

Я её несую не для убийства,
Что патроны в ней сидят – неважно.
Тишину я выстрелом не взбыстрою,
То известно здесь зверушке каждой.

Мне приятны шорохи и звуки,
На снегу неровный чей-то почерк,
Словно кто-то ласковые руки
Прикоснуть ко мне ужасно хочет.

И сердечным, дружеским участием
Дать совет мне – не чужой ведь всё же –
Чтобы я любимым был и счастлив,
Да словами высказать не может.

Люблю любое время года,
Такая, видимо, порода.

Люблю зимой игру снежинок,
Люблю весной напев дождинок.

Люблю цветущий летний луг,
Люблю осенний гулкий звук.

Люблю, как русский человек,
И жар, и хлад, и дождь, и снег.

И, может, это потому
Я рад всему.

За речкой вечерней

Ах, за речкой вечерней кукует кукушка.
Ну-ка, сколько осталось мне жить?
Расскажи мне, моя подружка,
Старой памяти удружи.

Расскажи, только всё припомни,
Ничего не оставив втайне.
Сколько вёсен придётся ещё мне
Отряхать с черёмухи снег.

Год так год. Не накличешь мести.
Я ещё хоть две песни спою.
Всё ж не зря занимал я место
В нашем рабочем строю.

Знаю: были и есть «огрехи».
Признаюсь: не ахти шелка.
Стих – не просто слова-орехи,
Захотел – и давай щелкать.

Я превыше всего – рабочий,
Моё дело – железо ковать.
Ты – кукушка, и жизнь твоя, впрочем,
Куковать. Куковать. Куковать.

О, как давно в родных краях я не был.
И вот приехал, чтоб держать ответ
Перед полями, перед ясным небом,
Пред всем, где мой хранится
тёплый след.

На перекрёстке я схожу с машины.
Дорога вправо. Я иду по ней.
Кивают мне знакомые лесины.
Звенят кузнечики оркестром звонких
флейт.

Как всё знакомо – сердце замирает.
А сколько нового, что слов мне не найти.
Вот поле кончилось, дорога в лог ныряет.
Лука за ним. А там уж час пути.

И ни бугров, ни ям не различая,
Бегу быстрее, чем в свои пять за стол.
Деревня, словно мать, меня встречает,
Смущённо руки вытрев о подол.

Я шёл по дороге в печали,
От грусти не плача едва.
Тревожно вороны кричали,
И ветер шатал дерева.

Нахальный свидетель разлуки,
Он не отставал ни на шаг,
Хватался за шею и руки
И лез, гогоча, под пиджак.

И тучи косматые с воем
Куда-то неслись напролом.
Ты сам ведь во всём и виновен,
И это тебе поделом.

И грудь мне продуло, и спину.
Я чувствую: мне не дойти.
И я опустился в ложбину,
Дыхание перевести.

А там, меж кустов поределых,
Одна симпатичная кроха
О чём-ой-то песенку пела
И очень даже неплохо.

И песенка нежно звучала.
И всё как когда-то, когда-то,
Как будто она утешала
По-сестрински меньшего брата.

И сам я того не заметил,
Как плечи невольно расправил...
И снова я вышел под ветер,
И ветер погоню оставил.

Будь я не человеком, а святым
И к перемене жизни очень гибок,
Как есть, я не был бы простым
И никогда не делал бы ошибок.

Но вот беда, я просто человек,
Как вы. Как он. Как люди все, пожалуй,
И в непростой наш уходящий век
Меня тревожат войны и пожары.

Я, как и вы, люблю свои края,
Смеюсь весной, а осенью тоскую,
И будет лишним повторять,
Что душу тоже я несу людскую.

Мы жаждем все, все как один – любить,
И не меньше быть любимым.
Утраченных друзей нам нелегко забыть,
Как о большом, но так неповторимом.

Я славлю радость. Счастье я пою.
Планида нам в одном сонете.
И потому я горячей люблю,
Что ходим по одной планете.

Рассказ товарища

Отец ушел. Былому нет возврата.
Его теперь и скорым не догнать.
Мать присела: «Я ли виновата,
Что он так часто начал выпивать.

Я ли в нашей жизни небогатой
Поперёк дороги шла ему?
И за всё такая вот расплата.
Ну так что ж, уж, видно, быть тому».

Опустила голову, заплакала,
Словно подо льдом тоскующий ручей.
Знайте все – во фраках ли, с заплатами –
Материнских слёз нет горячей.

Я старался всё плохое вспомнить,
Что я в пять лет сумел уж натворить,
За что других нещадно мамки порют,
А у моей рука не стала бить.

Я её косынку с пола поднял
И прижался вновь всем телом к ней.
Может быть, тогда-то я и понял —
Никого мне в жизни нет родней,

— Мамочка, тебя я не забуду!
Ты за всё, за всё меня прости.
Я теперь опорой нашей буду,
Мне бы побыстрее подрасти.

Свитер

У меня был свитер,
Свитер дорогой.
Я его не трогал,
А носил другой.

Думал, может, случай
Выпадет особый,
Или познакомлюсь
С молодой особой.

Или что другое.
Не об этом речь.
В общем, был намерен
Свитер приберечь.

И когда предстало
Мне его надеть –
Каково мне стало
На него смотреть!

Поглядел на это.
Поглядел на то...
Это же не свитер.
Это – решето!

Ах, ты моль-малявка,
Скверная козявка.
Он был не столь одежда.
Он был моя надежда.

А ты взяла и съела...
Ну разве это дело!
Сожрала. Вот свинья.

.....
И старый свитер свой
Донашиваю я.

**К 10-летию литературного клуба
«Северный Огонек», г. Сургут**

Мы обживали топи и болота.
Тайгу прошили нитками дорог.
Была о нефти главная забота,
Но для души недоставало что-то,
И Северный зажгли мы Огонёк.

И он горит. Горит не отгорает.
Присели мы в кружок у огонька.
Он невелик. Но сердце согревает
И места всем вокруг него хватает
И свет его видать издалека.

И в ведро. И в ненастье.
Среди побед. Тревог.
Гори. Гори. Не гасни,
Наш скромный огонёк.
Свети. Свети в оконце,*
Что силы есть, сполна.
И в небе, кроме солнца,
Есть звёзды и луна.

* то есть листок многотиражки «К победе коммунизма»

Спонсоры

Мне говорили столько раз:
Обратись в «Сургутнефтегаз».
Ты там работал столько,
Да, 26 лет.
Так попроси лишь только,
Если денег не дадут,
То хотя бы издадут.
Как ветерана «Сургутнефтегаза»,
как поэта, члена Союза писателей
России,
написавшего много стихов и песен
о Сургуте и сургутских нефтяниках.
А что?
Я взял стихи с картинками.
Надел носки с ботинками.
И скорей туда вприпрыжку –
Дайте денежек на книжку.
Не на сберегательную.
Дайте на читательную.
*Книжка «Ручеёк»,
Стихи для детей.*
Мне вполне культурно: «Ишь,
Очень многого хочишь!
Не косишь ли под Кассиля,
Или, скажем, Маршака?»

Нам свои статьи осилить
Нет возможности пока.
Нет покуда. Нет пока.»

.....

Принесло же дурака!

Исход

«Так уезжай, – сказал он безразлично.
Я никого здесь, вроде, не держу,
И если уж меня касаться лично,
Я сам тебя на пристань провожу.»

И проводил. Потом они стояли,
Угрюмые, решившие исход.
А дети ничего не понимали,
Их занимал большущий теплоход.

Потом помог подняться ей по трапу.
Провел детей. И чемодан принёс.
Сошел на берег. И поправил шляпу,
Мол, слава Богу, обошлось без слёз.

Потом стоял, приличия отчасти.
Убрали трап. Отходит теплоход.
Пусть уплывают все его напасти,
Он жизнь свою по-новому начнёт.

Но вот уже неразличимы лица,
Родные лица около борта.
И крик его, как раненая птица,
Бил сломанным крылом в провале рта...

Эх, дядя, миленький, пустая голова,
Как поздно ты, родимый, спохватился,
Твой крик беспомощный прибило
к островам,
И на него ответ не воротился.

Послание Ш. Ю.

Вчера вам было, вероятно,
Нас видеть страшно неприятно.

Весьма сомнительный наш вид
Сумел поведать вам о многом
И оттого душа болит,
Как перед дальнею дорогой.

Я виноват. Вина моя.
Готов нести я наказание.
Но ради завтрашнего дня
Я вас молю о состраданье.

Простите мя, коли простить
Ещё по-дружески возможно.
Я обещаю так не пить,
Как прежде. Буду осторожно.

Решитесь смело. Я ваш друг.
Не омрачу я дружбы нашей,
И водке не подам я рук,
Подам с улыбкой манной каше.

И вовсе не из-за молвы —
Чтоб только не сердились вы.

Ночной диалог

Когда настанет ночи час
И она украсится, довольная, в звёзд
брошки,
Мне кажется – это «лампочки Ильича»
Выглядывают из домов небутян
в окошки.

– Раз!... Два!...

– Что вы считаете?
Скажите, пожалуйста, вдвоём веселей.

– Красивое, не правда ли?
Как вы считаете,
Созвездие ... Это вот... Водолей?

А звёзд-то сколько! Должно быть,
миллиард.
Да разве кто эти звёзды погасит!

– Он, должно быть, какой-нибудь бард,
Как такси, ожидающий своего Пегаса.

Вечерняя прогулка

По улице брёл я устало.
Куда? Да и сам я не знал.
Навстречу собака бежала,
И я собаку позвал:

– Собака! Собака! Она оглянулась.
И мне показалось при том,
Она, как товарищу, мне улыбнулась
И эдак вильнула хвостом.

– Ну, как, мол, погода?
Дождливая малость.
Да стоит о том горевать!
Мои вот уснули, а я отвязалась.
Найдётся ли что пожевать?

Я все, сколько было, карманы обшарил.
И в каждом, увы, выходной.
Собачка хорошая, видимо, Шарик
С надеждой следила за мной.

Не без сожаленья развёл я руками:

– Прости, но помочь не могу.

Собачка вздохнула. Моргнула глазами,

– Ну ладно. Пока. Побегу.

И побежала. И вскоре направо

Свернула в проулок глухой.

Я вслед посмотрел ей. И кепку

поправил...

И зашагал домой.

Я не знаю, не знаю, не знаю,
Что со мной, что со мной, что со мной,
Видно, жизнь моя молодая
Незаметно прошла стороной.

Скоро, скоро мне стукнет тридцать.
Скоро солнце пойдёт на закат.
То ли с жизнью ещё порядиться
И побиться с судьбой об заклад,

Ведь и сердце совсем не остыло,
И глаза могут снова расцвести.
Иль оставить всё так как было,
Принимая всё так, как есть.

Время, как солдат, всегда на марше
И бессменно жизнь над ним, как знамя,
реет.

Те, кто стал сегодня на год старше,
Не чувствуйте себя на год старее.

Ничего, что ты морщинист кожей
С головою древности седея,
Год от года Родина моложе —
Значит, с ней мы вместе молодеем.

Нам, всю жизнь не ведавшим покоя,
В заводи квартирной хорониться?
Мы ещё способны на такое...
Ещё порох есть в пороховницах!

Вечерняя фантазия

Мой друг смущён: в уме ли я своём?
Он прав, конечно, в этом сомневаясь,
Когда по городу мы бродим с ним вдвоём,
Я манекеншам дружески киваю.

– Девушки! Вам не надоело?
Бросьте витрину!
Ну её вместе со всем тряпьём.
Давайте сюда! На улицу! На середину!
Возьмёмся за руки и пойдём.

Смотрите! Смотрите, сколько работы!
Работы на годы и на века. —
Это ведь наши дела и заботы.
Наши с вами, наверняка,

Я уверен, вы не пожалеете,
Даже спасибо мне скажете потом.
Ничего, что сейчас не лето,
Я отдам вам своё пальто.

.....
Ну что вы! Никто вас и не осуждает.
Так спокойнее. И в тепле.
Просто жаль. Ведь хороших людей
не хватает
На нашей, в общем, прекрасной земле.

**На юбилей сургутского поэта
Петра Суханова**

Любимый Петр Антонович,
Наш славный юбиляр.
Сердечное признание
Прими сегодня в дар.

На КраЗе многотонном
Ты въехал на Парнас
И музою своею
Примером стал для нас.

Мы рады, что с тобою
Одной судьбой живём.
И в честь родного края
Вослед тебе поём.

Тюмень – Сургут 1972 г.

Толкаюсь в аэропорту
В прозрачной мысли о билете.
Глаза навывкате, в поту,
И проклиная всё на свете.

Какой лешак, скажите мне,
Меня понёс в дорогу эту.
Я как в бреду. Я как во сне.
Кругом враги. Спасенья нету.

Ещё помру, неровен час,
Не выдержав такой нагрузки.
Не может быть, чтобы у нас
Никто не понимал по-русски!

Вот кто-то где-то: «На Сургут!»
«Товарищ, миленький, я ту-у-ут!»

.....
И с места уйдя в облака,
Вдруг понял я чётко и ясно,
Что жизнь хороша и прекрасна
И все мои муки – мука,
Съедобная наверняка.

Ведь там вдали, в снегах, седая
Сибирь, до боли дорогая,
И здесь со мной летит вперёд
Родной и близкий мне народ.

Обида

Меня обидели, и я пошёл к реке,
Благо, что она невдалеке.
Ведь говорят, насколько это верно?
Вода нам успокаивает нервы.
И может быть, среди речной тиши
Спадёт булыжина с обиженной души.
Вот и река. А вот он и мосток.
Взглянул на запад я, а после – на восток.
Какой закат! Какой кругом простор!
А в череп лезет всевозможный вздор.

Мою обиду услышал кулик.
Он над водой поднял ужасный крик:
– Ты это брось! Ты, парень, не дури!
Ты покури-ка лучше, покури-и-и!
Я бы покурил, да не курю
И ничего в ответ не говорю.
Течёт река. На дне лишь ил и тина.
Она спокойна и невозмутима...
Но это с мостика. А пристальной
взглянуть –
И у неё совсем не гладкий путь.

Облака пушистые, как вата,
Низко-низко над рекой поплыли.
Ой, о чём задумались, ребята?
От какой печали приуныли?

Что за песня за посёлком слышится
И зовёт, зовёт она к себе,
Или это лишь камыш колышется,
Ворожа мне о моей судьбе?

Подошла берёзонька к дороге
И задумчиво остановилась вдруг,
В ствол один скрестила свои ноги,
Сотни веток сделала из рук.

Обниму её, прижмусь к стволу покрепче:
– Ты о чём грустишь, скажи, о чём?
И она мне ласково прошепчет,
Поцелует в губы горячо.

А когда придёт пора прощания,
Тихо-тихо я слезу утру,

Да, ребята, в мире расставания
Человеку жить не по нутру.

Но не надо, не надо печалиться,
Как бы ни был бы путь суров,
Всё равно корабли причалятся
После бурь у родных берегов.

Бывалый охотник

Однажды зимой я пошёл на охоту.
С ружьишком пройтись я имею охоту.
Ну, значит, иду по росистой траве,
И мысли приятно жужжат в голове:

О том, как в дремучую чащу войду я.
О том, как медвежью берлогу найду я.
О том, как медведя того уложу.
О том, как знакомым его покажу,

И только я шаг отступил от дороги,
Мне кто-то метнулся под самые ноги.
Я обмер... Но тут из обоих стволов
Как жажну – он только мелькнул

меж стволов.

И дальше. И дальше, деревья ломая,
На обе передние ноги хромая.
Я тотчас за ним припустился, как мог...
Это был глухарь или чирок.

А мишку, признаться, я так и не встретил.
Должно быть, в погоне его не заметил.
Да что там! – сказал мне

бывалый охотник.

Он был прихвастну-у-уть небывалый
охотник.

Объявили перестройку,
Мы тотчас упали ниц,
Перекройку. Переройку
Русских нашенских границ.

Кто же эти супостаты?
Бог их громом разнеси,
Коммунисты-демократы —
Сучьи выродки Руси.

Перед дряхлою Европой
Крутят шею, вертят зад.
На немытые их ... попы
Там с ухмылкой глядят.

Говорят их демократы:
«Мы вам будет отчень рады.
Вы подмойте ваши оно
И вступайте в наше лоно.

И тогда уж, так и быть,
Мы вас сможем всех любить!»

Празднование Дня Победы в 1995 году

День Победы. День Победы.
Рады бабушки и деды.
Рады мамы и отцы
И мальчишки-сорванцы.

– Вот как мы-то этих самых...
Били немцев под Москвой,
Будет помнить мир желанный.
Мир спасённый. Мир живой.

И над уличными урнами
Ходят с маршами бравурными,
В них глядя, а что там есть,
Чтобы можно было съесть?

Тип партийного помола
Возвещает с огоньком:
– Если ты участник ВОВы,
Подходи-ка за пайком.

И идёт боец счастливый
За кусочком ветчины
И за баночкою пива
От побитой ... *(сами знаете, кого)*.

Поели. Покричали.
Поплакали. Попили.
И после замолчали,
Как будто всех ... убили.

Эх, Россия! Россия! Россия!
Неразумная Родина—мать,
Ты сняла с себя всё, что просили,
Стала с деток родимых снимать.

Ничего, мол, и всё. Слава Богу,
Мы и так как-нибудь проживём.
Вот и дети твои у порогу,
Ну а эти-то чьи за столом?

Отъедятся они, отоспятся
На хлебах и кроватях твоих,
Да как вцепя́тся. Да как вцепя́тся.
Да как вдарят твоим-то под дых.

Сколько холмиков ты оросила
Материнской слезою своей.
Эх, Россия! Россия! Россия!
Ты своих хоть чуть-чуть пожалей.

Дети войны –
Последняя совесть страны,
Когда они вымрут, скажу неложно,
Всё будет можно.

Можно будет грубить.
Можно будет убить.
Можно будет предать.
Можно будет продать.

Можно будет?!...
Да всё,
Лишь на этом уметь
Богатеть. Богатеть. Богатеть.

И никто вам не скажет, что есть
Чувство долга. Порядочность. Честь.

Как просто ближнего обидеть.
Втоптать. Унизить. Оскорбить.
Нас научили ненавидеть,
Но кто научит нас любить?

Ну кто, ну кто ответить сможет?
Ведь люди – братья во Христе.
А приглядишься к ним чуть построже,
И те – не те. И те – не те.

Все только что-то исполняют,
Везде, куда ни погляди,
Игру какую-то играют
Без всяких правил, без судьи.

И думаешь: «Зачем на свете
Весь этот шум и тарарам?»
О люди, люди, вы, как дети.
Дай Бог, не знать сомнений вам!

Быть в России русским? Это значит –
Мать, тебя родившая, заплачет
Не от счастья – нет, мой друг, – от горя,
Что узнаешь ты сполна и вскоре.

Быть в России русским? Это значит –
Будешь ты как проклятый батрачить
На «сестёр» и «братьев» смуглолицых,
Что жируют по твоим столицам.

Быть в России русским? Это значит –
Будет так всегда и не иначе.
Минут годы. И за ними годы,
Ибо сам ты – пасынок природы.

Быть в России русским? Это значит...
Да пошли вы все к свиньям собачьим!

Планида

Я рад, что люди живут по-людски.
Я рад, что такая эпоха.
А тут... Хоть и впрямь разорвись на куски,
Всё и не так и плохо.

И всё-то у них своим чередом
Происходит из рода в род.
Сначала – сначала, а потом – потом.
И никак не наоборот.

А мне!
Как бы сердце моё ни стучало.
И как бы мозги ни крутились мои,
Сначала – потом, а потом – сначала.
Ну хоть бы разочек... Моли не моли.

И всюду за мной несуразицы эти.
И всюду за мной и хула, и обида.

.....

Неужели на этой планете
У меня такая планида?

И что, и как бы ни судили,
Я вижу смысл непростой
В том, что родился я в Сибири
Под кровной русской звездой.

Пускай в пути прямом и строгом
Я прям и строг был не всегда,
Но в час сомнения о многом
Напоминала мне звезда.

Порой я лез не зная брода,
Порой я с музами дружил.
Лишь захребетником народа,
Спасибо Богу, я не жил.

И мне не нужно лучшей доли,
Я тем и рад моей судьбе,
Что был я русским в русском поле,
Где русская звезда в гербе.

Владимиру Мазину – поэту

Я решил – всему привет,
Жизнь – свинья, братишка.
Вдруг приносят мне пакет,
А в пакете книжка.

Полистал её, таю,
Так и так и всяко,
И повсюду узнаю
Парня из Ларьяка.

Кто открыл нам речку Вах
И её проточки...
Зачитал до дыр в глазах,
До последней точки.

Я верю, верю, счастье есть,
Хоть не скажу, в каком облиии,
И, может быть, оно мне лично
И не подаст благую весть,
Но я уверен, счастье есть!

История нам говорит,
И мы с историей не спорим,
Когда вокруг земля горит,
Тогда рождаются герои.

Героев счастье – в их борьбе,
И торжестве своей идеи,
И им немислимо робеть,
Когда и мужество робеет.

А я, я сам, я счастлив или нет,
Кого винить и чем же я обижен?
Но всё же тот манящий дивный свет
Хотелось б мне увидеть ближе.

Смотрю в взволнованную даль.
Смотрю нетерпеливым взглядом,
Не потому ль мне не видать,
Что этот свет со мною, рядом.

А он в товарищах моих
И, может быть, во мне отчасти.
Быть рядом с ними, среди них,
Быть может, более, чем счастье.

Задержался в хороших гостях.
Весь в приятных иду новостях.

Думал, может быть, сяду в такси,
Мне ответили: Нет! Упаси!

А когда я пошёл на трамвайчик,
То трамвайчик промчался, как зайчик.

Проскакал. Прозвонил. Ну и ладно.
Всё равно мне тепло и отрадно.

По ночному иду городку.
Спит ночной городок мой – Ку-ку!

**Сургутянам на их памятник Ильичу,
снесённому в 2006 году**

Любим мы своего Ильича,
Мысль о светлом грядущем леча.

Вот сейчас он сойдет с пьедестала
И подаст нам по ломтику сала.

И по корочке хлеба впридачу,
И от счастья я чуть ли ни плачу.

Потому, что с родным Ильичом
Нам любые почём – нипочём.

Подхожу я и честь отдаю
О готовности клятву свою:

Дорогой наш, от бою до бою
Мы идём и идём за тобою.

Сжал он руку в глубоком кармане,
Что он мнёт там... рубли или money?

Шарик

Собаку на цепь посадили,
Стеречь барахло осудили.

Лает собачка, старается,
Сторожевой называется.

Шарик, друг,
Ты что на меня наводишь испуг?

Ведь я меж людьми однако
Такая ж, как ты, собака.

Но я на тебя не лаю,
Я счастья тебе желаю.

И я понимаю, как тебе тяжело,
Шарик, бедняжка!

Понахмурились дороги.
Посветлели небеса.
Вновь сомнений и тревоги
Слышу в сердце голоса.

Что убудет? Что прибудет?
Кто мне весточку подаст?
Дай-то Бог, не злые б люди
Оказались в этот раз.

Паучок

Живёт в уголке паучок,
Невзрачный такой мужичок.
Муха сядет ли рядом, жучок,
Он их – хватать! – и скорей в сундучок,
Крышкой хлопнет. Её на крючок.
И тихо, ни звука – молчок...

Я не стану пенять паучку,
И по мухе скорбеть и жучку.
Есть и люди, как тот паучок.
Ну да ладно, прижму язычок.

Рассказ попутчика

Я не знаком с хорошим словом «мать»
И ласкою отцовской не был тронут,
И некому рукой мне помахать
С большого многолюдного перрона.

Конечно, были у меня друзья,
А у друзей – хорошие подруги,
Но как-то получалось так, что я
Был часто-часто лишним в этом круге.

Я никого не стану упрекать,
Что я живу, как будто я бездомный,
Я полюбил дорогу, словно мать,
И мне отцом стал проводник вагонный.

Нет, не за то люблю я поезда,
Что везут меня откуда-то куда-то,
Люблю за то, что им всегда
Машут вслед ручонками ребята.

Вот и опять какой-то полустанок,
Домишка два, а может, пять,
Ребятни босоногая стайка
Скорый поезд пришла встречать.

И на откосе, где цветут ромашки,
Где написано «Счастливого пути!»,
В платящих своих, в своих рубашках,
Сами, как цветы, они почти...

Милые, родные малыши,
Да если б только бы вы знали,
Что в этом поезде, что мимо вас спешит,
Есть человек, которого не провожали.

Он прибежал б к вам, если мог,
Чтоб каждого обнять, как друга.
А поезд только дал свисток,
Ему ответила округа,
И дальше, дальше на восток.

Иракликаны

Бюрократическая
трагедия

ПРАКТИКАНТЫ

Берег таёжной реки. Сквозь деревья видны снежные вершины гор — гольцы. Вечереет. Из леса выходят двое. Это Сергей и Борис. Оба практиканты-геологи. Они возвращаются из очередного маршрута.

Сергей: Ну что? Отдохнём, быть может?
Приличное место вполне.
Послушай, дружок хороший,
Закурить-ка, случайно, нет?

Борис: Закурить!
Что ж, всегда пожалуйста.
Ох, и добрый же здесь самосад.
Закури, но потом не жалуйся,
Что охрипнешь на полчаса.
Да и жаловаться здесь некому,
Ты да я, да тайга вокруг.

Сергей: Ну, давай что ли, бедному греку
Доморощенную махру.

Он сворачивает самокрутку. Затягивается. Кашляет.

Хоро-о-ош! Ничего не скажешь.
Покрепче достать не мог?
Этот и медведя даже
Запросто свалит с ног.
Как они только курят?

Это ж – вернейший яд!

Борис: Что ты. «Его бы курам,
А не нам», – мужики говорят.
Надо вот место осваивать.
Костерчик бы на ночь разжечь.
Сварить что-нибудь.

Сергей: Не расстраивай
Печень мою и желчь.
Есть же буханка хлеба
Да банка компота грушевого.
Сейчас под саянским небом
Уплетнем их за милую душу.

Борис приносит охапку сухих веток. Раскладывает костёр. Затем, взяв котелок, идёт к реке. Сергей достаёт из рюкзака провизию. Режет хлеб. Открывает банку. Напевает:

Какая пища: хлеб, вода!
И нет у нас другого спроса.
Питанье это ещё – да!
А то и вовсе – папироса.
Но вот когда дают «стипон»
Или подбросят что из дома –
Бокалы. Кружки... Чудный звон,
Такой приятный и знакомый.

Вино дешёвое. Закусок мало.
Чего мы более хотим?
Так наливай скорей стаканы —
За голод прежний отомстим.

Возвращается Борис:

Ты что-то пел?

Сергей: Да, прижилась мелодийка.
Вот подбираю слова.

И, оглядев свое произведение кулинарии, обращается к Борису:

Ну что ж. Пожалте, князь, к столу.
Чем, право, угостить — не знаю!

*Они присаживаются к костру. Едят. Потом заку-
ривают. Сергей ложится и лежа напевает что-то,
должно быть, прежнюю песню. Солнце село. И толь-
ко между горных вершин еще теплится хрупкая по-
лоска заката.*

Борис (мечтательно):

Взгляни-ка туда. Ух, сила!
Вон между гор полоса.
Как будто бы там распустилась
Тугая девичья коса!

Сергей: Не той ли, признайся, Боря,
 Что недавно от нас ушла?

(подражая Борису)

Глаза голубые, как море,
И брови, как два крыла.

(несколько спокойней)

Теперь на другом факультете
Она – королева мод.

Снятся ль ей камушки эти

И речка, что рядом течет?

Декламируя это, Сергей указывает рукой в сторону гор и реки. Затем бросает взгляд на Бориса. Увидев, что тот необычайно взволнован, садится.

Борис Иванович! Вы покраснели?

Ах, извините меня, извините!

Признайтесь-ка откровенно,

Вы не о ней ли думу в душе

Глубоко храните?

Кто же царевну-то эту разбудит

Или остаться неразбуженной вечно ей?

Борис порывается встать и уйти.

Сергей *(примирительно)*:

Ну, хорошо. Хорошо. Не буду.

Борис: Допустим, не так. Допустим.
Но к чему такие слова?
Всё же у нас не пусто.

Борис кивает в сторону рюкзака с образцами.

Сергей: И признайся, не густ «навар».

Он трясёт этот рюкзак и небрежно бросает на землю.

Борис (с укором):

С тобой и разговаривать-то не следует,
Ты всегда затыкаешь рот.

Сергей (совсем засыпая):

Не будем ругаться, исследователь,
Профессор всё разберёт.
Ложись-ка и спи.

*Борис сперва ложится в некотором отдалении от
Сергея, потом перебирается к нему поближе. Дого-
рает закат. Опускается ночь.*

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Действующие лица:

Пётр Иванович — директор фабрики

Его секретарша

Лейкин — такой человек

Волоха — инженер-изобретатель

Ведущие специалисты

Прочие рабочие

Место действия:

СССР

(Союз Советских Социалистических Республик)

Время действия:

Начало 60-х годов XX века.

*«Нынешнее поколение советских людей
будет жить при коммунизме!»*

Хрущёв Никита Сергеевич

I сцена

*Типичный кабинет типичного советского руководи-
теля. Возле дверей, обитых коричневым дермати-
ном, с табличкой «директор» — стол, на столе пе-
чатная машинка, за столом — секретарша. Входит*

Лейкин и идёт прямо к дверям директора, на ходу бросая:

Мне к Самому, непременно,
Срочное у меня...

Возле секретарши почти шёпотом:

У нас намечаются перемены
С дня.

Она не успевает что-либо сообразить, как Лейкин скрывается в кабинете. Прикрыв за собой дверь, Лейкин кланяется:

Пётр Иванович, здра-а-авствуйте!
Что я хочу сказать...
Милочка-то кра-а-асится
И подводит глаза.

Пётр Иванович удивлённо смотрит на вошедшего. Узнав его, восклицает:

А, старый знакомый, товарищ Лейкин!
Вы, это самое, воды не лейте
И выбросьте из башки своей,
Будто у меня что-то там с ней.

Лейкин: Петр Иванович, пожалуйста, тише,
И... пусть это в тайне будет пока.

Скоро должна прийти к нам свыше
Бумага длиною в три вершка.

Пётр Иванович:

Бумага!?! Откуда? Какая бумага!
Может быть, снова «уточка»?
Или хотите обмануть, как того завмага?

Лейкин: Ну что вы, Пётр Иванович! Минуточку.

Он оглядывается на дверь: нет ли там кого и закрыта ли она, и говорит таинственно, но доверительно:

Мой знакомый, он, правда, не главный,
И, надо признаться, не средненький,
Но парень во всех отношениях славный,
И он имеет массу сведений.
И вот однажды за кружкою пива...

Пётр Иванович (*в нетерпении*):

Да говори ты! Говори! Не тяни-с!

Пётр Иванович даже не заметил, что «не тяни» он произнёс с окончанием на «с» – «не тяни-с» – как некогда говаривали услужливые приказчики.

Лейкин: Нашу фабрику «Красная перспектива»
Посылают в Коммунизм!

Пётр Иванович:

Как в коммунизм? Уже? Так быстро!
Но двадцать лет ещё не прошло.
Вот это новость! Она как выстрел!
А если и вправду?! Куда ни шло!

Потом, погрозив Лейкину:

Смотри мне! Смотри!
Чтобы всё без подвоха!

*Лейкин преданно смотрит в глаза Петру Ивановичу.
И Пётр Иванович, как бы подобрев:*

Вы уж об этом пока никому.

Входит секретарша:

Пришёл инженер товарищ Волоха.
Разрешите войти ему?

Пётр Иванович:

Пусть входит. А впрочем, не надо. Нет.
Подождёт. Ничего не случится...

Подходит к дивану, садится на него.

Ой, сердце! Ой, сердце! Оно во мне,
Как будто бы конница мчится!

Лейкин и секретарша бросаются к графину с водой:

Пётр Иванович! Пожалуйста, выпейте!

Пётр Иванович! Да что ж это вы!

Мы все пойдем, свои груди выпятив,

За вас нам не жалко и головы!

Пётр Иванович, отпив немного, машет рукой, чтобы впустили Волоху. Входит Волоха. У него ершистый вид и он начинает с нескрываемым раздражением:

Пётр Иванович! Что это значит?

Из каких, подскажите, таких идей?

Вчера монтаж агрегата начат,

Сегодня снимаете всех людей!

Ведь эта работа по графику, плановая.

Вот-вот и исполнится наша мечта!

Уж всё до минуты проверено заново

И пересчитано до последнего винта.

Пётр Иванович:

Ах, дорогой мой! За нами не гонятся,

Мы взяли успешно намеченный рубеж.

В работе нужно так же, как в пословице:

Семь раз отмерил, один – отрежь.

Волоха:

Но вы говорили на техсовете,

Что мое предложение – это клад.

Значит, слова ваши выброшены на ветер
Тогда вы просто ... бюрократ!

Пётр Иванович, с трудом подыскивая слова:

Я – бюрократ?! Да как вы смели!

Да я! Да я! Да я же вас!..

Я сорок лет плаваю, обходя мели,

Но я не пароход, а руководящая голова!

В кабинет стали входить, видимо, ведущие специалисты и Пётр Иванович смягчается:

Будьте, пожалуйста, полаконичней,

Тут вам не улица и не пивная.

С вашим предложением

я ознакомлюсь лично –

Оно стоящее. Я знаю.

Появляется посыльный с большим пакетом и передаёт его Петру Ивановичу. Пётр Иванович разрывает пакет, достаёт бумагу. Все насторожённо глядят. Он, отвернувшись, измеряет её – ровно три вершка.

Лейкин (в сторону):

У меня на это собачий нюх.

Пётр Иванович, оборачиваясь:

Прошу оставить всяческие вопросы.
Я приказываю: к завтрашнему дню
Всю фабрику поставить на колёса!

И я прошу вас. Подчиниться изволь!
Хранить разговор наш в молчании
и строго.

Завтра по сигналу
в пятнадцать ноль-ноль
С Богом!

II сцена

*Тот же кабинет. За своим директорским столом
Пётр Иванович. Возле окна стоит инженер Волоха.
Он смотрит в окно и говорит как бы самому себе:*

Волоха: Опять дожди. Дожди. Дожди.
Настоящие дождевые стаи.
Дороги размыло. Сиди и жди...

Пётр Иванович:
Ничего. Подсохнет — и наверстаем.

Волоха (*оборачиваясь к Петру Ивановичу*):
У многих цехов сломались моторы.
Наблюдается большая утечка людей!

И тем более не агроном.
И я не хочу быть для кого-то потехой!

Пётр Иванович: Вы забываетесь! Но-но!...
(и после некоторого молчания)

Подумайте! Взвесьте! И не спешите!
Я не останусь перед вами в долгу!

Волоха (решиительно):

Нет, Пётр Иванович, вот, подпишите,
Я больше так не могу!

*Волоха достаёт заранее написанное заявление и по-
даёт Петру Ивановичу. Пётр Иванович читает его,
морща лоб. Потом говорит:*

Я думал, что вы — голова большая.
А вы, оказывается, жеребёночек
ретивенький.
Что ж, увольняйтесь.

Подписывает, говоря вслух, чтобы слышал Волоха:

Не возражаю.
Уволить из-за неумения работать
с коллективом.

*Волоха берёт заявление и уходит. Входит кто-то
из ведущих специалистов:*

Пётр Иванович! Люди устали!
Это не дорога, а сплошной водоём.
Люди не могут. Они не из стали.
Скажите, наконец-то,
куда мы «плывём»?

Пётр Иванович подходит к окну и вглядывается в него. Входит Лейкин. Радостно:

Пётр Иванович! Разведка докладывает
Сегодня на рассвете. Да, на рассвете,
Э-э-э!
Кто-то на небе золотом выкладывал
Слово... где три «мэ»!

Пётр Иванович оборачивается и вопросительно смотрит на Лейкина.

Нет достовернее сведений этих,
Вы же ведь знаете Лейкина поди!

Пётр Иванович:

Значит, скоро! Скоро доедем!
Ну, слава тебе, Гос-по-ди!

*Он истово крестится. Сквозь шум дождя доносится
разухабистое пение:*

Вбегает секретарша и ещё несколько человек. Все устремляются к окну. Вдали, в бледной полоске всё отчётливей и отчётливей можно различить «ИЗМ». Торжественно исполняется гимн «Союз нерушимый...» По небу пробегают красные сполохи: один, другой, третий, и там ясно проступает слово, которое все вместе читают по складам:

– КА-ПИ-ТА-ЛИЗМ!

– ИЗМ!

Вздых изумления.

Конец.

Литературные
улыбки

* * *

*О, не в тайгу б пошёл искать я рай!
Не Ева ты, я не Адам нагой!
Но помолчи и отдышаться дай,
Ведь я пришёл к тебе, а не к другой.*

*Тяжёлый запах ты сейчас вдохнёшь.
В нём будет всё – и паровозный дым,
И сырость трюма. Револьвер и нож
Я суну под подушку. Помолчим.*

*Мир озарён Полярною звездой.
За окнами тяжёлый снежный хруст.
Ты поцелуя тёплой водой
Напои меня с полураскрытых уст.*

*Прощай, хозяйка губ своих и плеч!
Забудешь или память сохранит,
Как в поздний час соседний мир поджечь.
Я промелькнул в потоке Леонид*.*

Леонид Мартынов

* * *

О, не в тайгу б пошёл искать я рай!
Не Ева ты, я не Адам нагой!
Так жить нельзя. Родная, выбирай,
Я или тот – другой!

Тяжёлый запах ты сейчас вдохнёшь.
В нём будет всё – и паровозный дым,
И сырость трюма. Револьвер и нож.
Ну что, пошли, иль остаёшься с ним?

Мир озарён Полярною звездой
За окнами тяжёлый снежный хруст.
Уж коль не водкой, так хотя водой
Напой меня с полуоткрытых уст.

Прощай, хозяйка губ своих и плеч!
Заплачешь ты, как стану знаменит.
Я ухожу соседний мир поджечь.
Запомни: мое имя – Леонид.

*Леониды – аэролиты в созвездии Льва

* * *

*«В моей беспокойной и трудной судьбе
Я, может, себя полюбил потому,
Что ты полюбила меня».*

Михаил Дудин

Мне трудно жилось. Хамя и грубя,
Все лезли в моё бытиё...
Но вот мне жена подарила тебя —
И я полюбил её.

Был ты упитан. Был ты живой.
И вдруг такая беда —
Случайно на поезд я сел
И впервой
Я полюбил поезда.

Я, кажется, времечко опередил,
Примчав из грядущего дня,
Ведь я тебя, сын, затем породил,
Чтоб ты породил меня!

* * *

*«Это было бы интересно,
Если б, скажем, под вечер нынче
Познакомиться с Ахиллесом,
Посидеть с Леонардо да Винчи...*

*Из меня бы Нерон не вышел.
Что мне рыцари и фараоны –
Даже Пушкина я не слышал,
И не видел Наполеона.*

*...Может быть в Италии красивой,
Может быть в Аргентине теплее,
Только я бы выбрал Россию,
Ни о чем ином не жалея».*

Лев Ошанин

* * *

*«Если б мне предложили выбрать
Век и родину, где родиться,
От Миссури до Нила и Тибра
Все народы и все столицы»,*

Не ходил б я с корзинкою лесом.
(Кстати, слабо с грибочками нынче),
А беседовал с Ахиллесом,
И позировал Леонардо да Винчи.

Пусть Нерон из меня бы не вышел
И не стал бы родней фараона,
Но уж Пушкина я бы услышал,
Был бы в гвардии Наполеона.

Вон в Италии – все итальянцы,
А в Аргентине – уже аргентинцы.
Те обожают танцы,
А эти любят гостинцы.

Я России не знаю, признаться,
Есть ли там люди? Что за страна?
Была ни была! Надо остаться.
Там посмотрим: чья вина?

Ну а если кто возражает,
Вмиг прикусит язык, присмирив,
Я не кто-нибудь, а Ошанин.
ЛЕВ!

Уж я и словом их. Уж я их и руками.
А им хоть что. Они ни в зуб ногой.
Хлобысь меня подмышки... и на камень,
И погрозили пальцем: дескать, стой!

И вот стою. Проклятая обнова.
Рука не действует и чтой-то глаз затёк.
Я им припомню этот номерок...
И в горле стынет каменное слово.

Друзья мои! Друзья из ЦДЛ,
Коль это вам не так тяжеловато,
Снимите мя отседова, ребята,
Гранит мне чтой-то страшно надоел,
Хочу быть тем, кем был давно когда-то.

Хочу я есть. Чтоб плов. О, запах плова!
И вы кругом. И всё без суеты.
Побыл я малость с вечностью «на ты».
Пускай побудет Римма Казакова.

* * *

*Руки возле блюминга,
Возле огнепада.
Любите не любите
А работать надо!»*

«...А я вам трень да брень».
Виктор Боков

Уши трудовые

Руки виноградарей,
Руки винопитий,
Руки в аппаратной,
Руки в аппетитной.

Руки сталевара,
Руки дуры старой,
Руки доброй нянюшки,
Выпекавшей шанежки.

Вот поднялось здание
С гаражом к тому ж —
Место обитания
Человечьих душ.

Вся работа важная
Под гармонь споётся.
А моя – бумажная –
Творчеством зовётся.

У милашки на кармашке
Две ромашечки цветут.
Что мне делать, если милку
Замуж бахари ведут?

На Парнас-горушке
Стоят рядком избушки.
В первой-то сам-я живу,
Во второй Евтушкин.

Балалаечка – моя.
Бакалечка – твоя.
Мы пройдем с тобой дярёвней,
Пусть завидует родня.

Посмотрю на реченьку.
Погляжу на рученьки.
На мои бы плеченьки
Комелёк могученький.

Руки для восстания.
Для уборки репы...
Все глаза расставили,
Выкатив нелепо.

«Что, – грю, – уши в поте-то?»
Мозги, – грят, – набекрень».
Работайте. Работайте.
А я вам трень да брень!

* * *

*Хоть зла судьба к поэту, хоть добра,
Его душа – не перекасти-поле*

*...Поэту подобает худоба,
Сгорают углеводы в топках боли*

*Пылая, душит дымом материк
Встревоженных вопросов без ответов...*

*...Я не о тех, кто рифмы мастерит,
Я не про стихотворцев – про поэтов.*

*...А слов, как дров, мир наготовил впрок,
Но за чертой, где на шкале: «Довольно!»
Ты – в прежнем платье, в маскхалате*

*строк,
Поймут ли, что тебе и вправду больно?!*

Р. Казакова

*Поэту подобает худоба,
А поэтессе, стало быть, тем более.
Я углеводы – в печку, хоть добра
Мне этого, признаться, жалко больно.*

Кругом вопросы, а в вопросах – дым.
Вопросы есть, а где найти ответы?
Пусть старики ответят молодым,
А тем, кто рифмы мастерит – поэты.

Вот мне слова, к примеру, как дрова.
Беру не гладкие, а чтобы пошершавей,
И знаю я, что в этом я права,
А коль вы против – значит ни шиша вы.

Мои стихи читать читатель рад.
И если вдруг с ним приключится больно,
Я на него накину маскхалат,
А может... платья прежнего довольно.

* * *

*«Как будто нет других поэтов,
Пишу, пишу, пишу. Зачем
Быть прожигателем рассветов
И сочинителем поэм?»*

*Сломав перо, бумагу скомкав, —
В ближайший лес за три версты
Бегом от предков и потомков,
От злобы дня и доброты!*

*Но лишь завизжу лист зелёный
Иль прошлогодним прошеуршу,
Опять пишу, как заведенный.
Куда? Зачем? Кому? — Пишу!»*

Владимир Соколов

*Как будто нет других поэтов,
Пишу один. Пишу. Пишу.
Куда? Зачем? И через это
Совсем на ладан уж дышу.*

Нет, брошу все: семью, квартиру,
Уйду босым за три версты
От книг подальше. Ближе к миру —
Привет вам, речка и кусты!

Я там на травке поваляюсь,
Листву ногой поворошу.
Когда совсем проголодаюсь,
В Москву обратно поспешу —
Поев, поэму напишу.

**Отчет о заграничной поездке,
1970-е гг.**

Мы были в ударе
От роз Болгарии
И, как зачарованные,
Стояли тихи...

А Римма Казакова
Написала стихи!

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов от автора	3
Когда-то давно-предавно	8

Солнце золотое

Солнце золотое	9
Деревенская пристань	11
Прощание с детским домом	13
Усть-Чижапка	15
Полая вода в Усть-Чижапке	17
Среди Васюганских болот... ..	18
Страна Васюганье	19
За поскотину мне хочется	20
Приметы весны	22
Рыбак	23
Ночное	24
Колодец	26
С добрым утром	27
Экскурсия	29
Ты торопил мальчишьи годы... ..	31
Последний звонок	33
Выпускницам 1960-х годов	34
Школьный белый вальс	35

На поляне соснового бора	37
Не играй, ветерок	38
Сестра и мать удивлены	39
Первоцелинникам	41
Ты уехала в Москву	43
Ласточки	44
Стихи из 1962 года	45
Письмо Розы	46
Письмо Генри Уинстона	47
Довольно страданий и горя	49
Я знаю: у меня должна бы быть сестра	50
Помню, еще недавно	51
1962 год	53
Студенческая песня	54
У нас в общежитии	56
Вечер перед зимней сессией	58
Метель	59
Дождь в начале утра	60
Уж март всюю	62
Весенняя гроза	63
Два письма	
Письмо брата	64
Письмо брату	65

Не те мы, друг	67
Просёлки	69
От деревни до деревни	70
Я однажды приехал в деревню	71
У сестры в огороде порядок	73
Заря мне светит щечкою румяной	75
Первый снег	76
Автопортрет 1962 года	78
В магазине	79
Учебная тревога	81
Русский пляс	83
Рассказ мальчика Андрюши о том, как он научился решать арифметические задачи	86
Сказка о мальчике Пете и его межпланетной ракете	89
Жизнь, кипи и отмеряй сажени	96
Солнце печёт	97
Тучи солнце полонили	100
Дружинники	102
Эх, эх, хорошо, увлекательно	104
Ода маневровому паровозу	106
Баллада о петухе и студенте	108

Феерическая баллада	110
А в это время в Америке	111
И в России	113
Удивление	115
Друзьям-геологам	117
Портрет проводника	119
На полёт в космос	
Валентины Терешковой	120
Вам – космонавтам, вам – героям	122
Мама, прости меня	123
Вечер после дождя	125
Ребятам 1940-х годов	126
Одуванчики	127
Провожает село новобранцев	128
Вот-вот прольётся дождь огней	129
Ледоход	130
Первый пароход	131
Чем дальше уходит дорога	132
Заводская окраина	134
Вот опять, опять ты наклонилась	136
Романтики	139
Вечерняя прогулка	141
Величальный романс	142

Моему блокноту	144
Другу-стихотворцу	145
Я счастлив был краткое время	147
Мы много поём о себе	149
Поэт	151
Стерня строки	152
Ты написал стихотворение	153
Ничто унижить русского поэта	154
Озарение	155
Как быстро мы спешим, друзья	156
Село Маловодное. Киргизия	157
Город Фрунзе	158

Но Ваше имя...

Первый букет	160
Небо синее. Небо синее	161
Кто ты, звёздочка моя	162
Люблю, что порхает, летает	163
Первые капли упали в траву	164
Утренняя песня	165
Я влюблён. Я влюблён	167
Ах, Лена. Леночка. Елена	168
У девчонки рыжие косички...	169

Мне грустно, больно. Что такое.....	170
Вы вся приветная, изящная	171
Ты была для меня ненаглядной	172
Мы теперь далёко друг от друга	173
Сыпь, берёзка, жёлтым снегом	174
Неужель я у судьбы в опале	176
Нет ничего печальнее на свете	177
Не оттого ль, что моя кровь	178
Любови Александровне (Любаше)	179
Тамаре Александровне	180
Пожелание	181
Он говорил. Она молчала	182
Заросла тропа к реке травой и талом	183
Вас муж оставил	184
Не грусти, что кончается лето	185
Ветер провода перебирает	186
Костяника	187
Поднялись и скрылись птицы-лебеди	188
Какие ветры всполошились	189
Я не знаю, не знаю	190
С добрым утром	191
Перрон. Шумиха. Расставание... ..	193
Встреча	194

Меня никто, никто меня не любит	195
Он Вас любил	196
к Т.	197
Осенний пейзаж	199
Осенний день. Осенние печали...	200
Осенний вальс	201
Листопад	203
Осенняя заря	204
Ветер. Ветер. Я вижу	205
О, как давно в родных краях я не был	206
Видно, так было нужно кому-то	207

В семье рабочей

Был труд тяжеле, чем оковы...	209
Я с детства рос в семье рабочей...	211
Ночная вахта	211
Верховой	212
На буровой	214
Комары-комарики	215
В рабочей столовой	217
Тюмень–Нижевартовск	218
Не могу не петь хвалу Сибири	220
Непогода	222

Друзья, друзья, в какую даль	223
Нелётная погода	224
Уходят годы потихоньку	225
Ветеран	226
От нас уходят ветераны	228
О, обновление души	229
По весне за тёплыми ветрами...	231
Кто я сегодня, герой или прохвост	232
Не люблю ребят спесивых	233
Срочный заказ	234
Слава труду!	235
Земля каргасокская	237
Я, как тысячи, простой рабочий	239
У солдатского обелиска	240
На могиле матери трава густа	241
Уходят поезда на юг	242
Улица Ленина	243
Рабочий класс	244
Когда от лап рубля освободится труд	245

Планида

Всё ниже звезды в ночь	248
Весенний этюд	249

Весенняя гроза	250
Какая погода	251
Родник	252
С ночевой	253
Вечер на покосе	255
Убирают хлеб комбайны	256
Отзвенели цветы	256
Звездопад	257
Ах ты, осень, как ты обманчива	259
Во дворе мы саженцы сажали	266
Вот-вот прольётся дождь огней	261
Видно так повелось уж исстари	262
Я в следах зверья не разбираюсь	263
Люблю любое время года	264
За речкой вечерней	265
О, как давно в родных краях я не был	266
Я шёл по дороге в печали	267
Будь я не человеком, а святым	269
Рассказ товарища	270
Свитер	272
К 10-летию литературного клуба	
«Северный Огонёк», г. Сургут	274
И в вёдро. И в ненастье	274

Спонсоры	275
Исход	277
Послание Ш. Ю.	279
Ночной диалог	280
Вечерняя прогулка	282
Я не знаю, я не знаю	284
Дорога	285
Время, как солдат, всегда на марше	286
Вечерняя фантазия	287
На юбилей сургутского поэта	
Петра Суханова	288
Тюмень–Сургут 1972 г.	289
Обида	291
Облака пушистые, как вата... ..	292
Бывалый охотник	294
Объявили перестройку... ..	295
Празднование Дня Победы	296
Эх, Россия!	298
Дети войны	299
Как просто ближнего обидеть	300
Быть в России русским	301
Планида	302
И что, и как бы ни судили	303

Владимиру Мазину – поэту	304
Я верю, верю, счастье есть	305
Задержался в хороших гостях	307
Сургутянам		
на их памятник Ильичу	308
Шарик	309
Понахмурились дороги	310
Паучок	311
Рассказ попутчика	312

Пьесы в стихах

Практиканты	315
Бюрократическая трагедия	321

Литературные улыбки

Л. Мартынов	334
М. Дудин	336
Л. Ошанин	337
В. Цыбин	339
В. Боков	341
Р. Казакова	344
В. Соколов	346
Отчёт о заграничной поездке	348

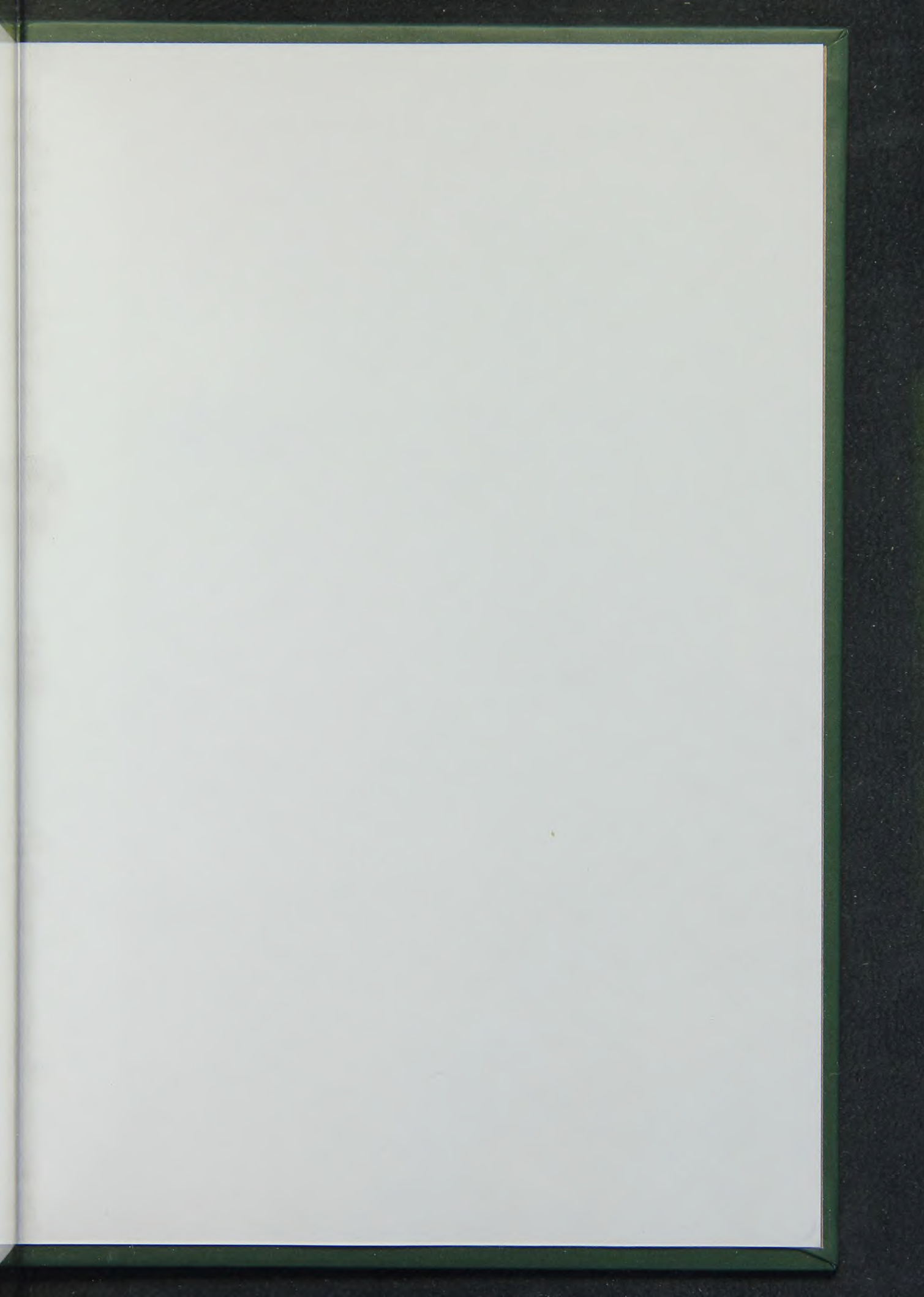
Никон Сочихин

НОСТАЛЬГИЯ

Сборник стихов

Подписано в печать 29.06.2014.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
№ зак. 26299. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии “Д-Принт”
г. Томск, ул. Герцена, 72-б. Тел.: 52-10-01.

170-00

007172015

Государственная библиотека Югры

